ВАМПИРИЯ

Двор Чудес

18+

ВИКТОР ДИКСЕН

Young Adult. Вампирия

Виктор Диксен

Двор Чудес

«Эксмо»
2021

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

Диксен В.

Двор Чудес / В. Диксен — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Вампирия)

ISBN 978-5-04-167984-2

«Во Дворе Чудес оживают самые прекрасные сны… и самые страшные кошмары тоже!» В глазах жителей Версаля Жанна – фаворитка Людовика Нетленного, Короля Тьмы, вот уже триста лет правящего Магной Вампирией. Но будучи участником секретной организации, девушка всегда преследовала лишь одну цель – свергнуть беспощадное иго верховного вампира. И сейчас она подобралась к нему как никогда близко. В самом сердце Парижа проживает таинственная Дама Чудес, правящая всеми нечистыми силами. Однажды она решает заявить о себе и бросить вызов Королю Тьмы. Жанна в числе лучших оруженосцев Людовика отправляется на поимку нахальной смутьянки. Перед девушкой стоит непростая задача: ей нужно добраться до загадочной Дамы Чудес раньше других, чтобы правитель кровожадных чудовищ не стал еще могущественнее…

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-167984-2

© Диксен В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1. Вторжение 9
2. Большой отход ко сну 17
3. Встреча после разлуки 26
4. Проклятие 34
5. Казнь 42
6. Конвой 48
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Виктор Диксен
Двор Чудес

Victor Dixen
VAMPYRIA, LIVRE 2: LA COUR DES MIRACLES

© Éditions Robert Laffont, Paris, 2021
Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates
Illustrations intérieures et plan de Paris: © Misty Beee (@misty.beee)
Design de la couverture: © Nekro (@Nekroxiii)
Lettrage de couverture: © Tarwane (@Tarwane)
Design des médaillons: © Loles Romero (@Lolesillustration).

© Исхакова С., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

И даже лес зловещий, куда никто не ходит,
В сравнении с Парижем опасность не находит.
О горе тому путнику, чьи мирные дела
На перекрестках города застанет темнота.
Опять закрою двери, ночь уступая сну,
И на закате солнце тихонько провожу.
Давно погасли свечи, и в комнате темно,
Но не сомкнуть мне веки: не спится все равно.

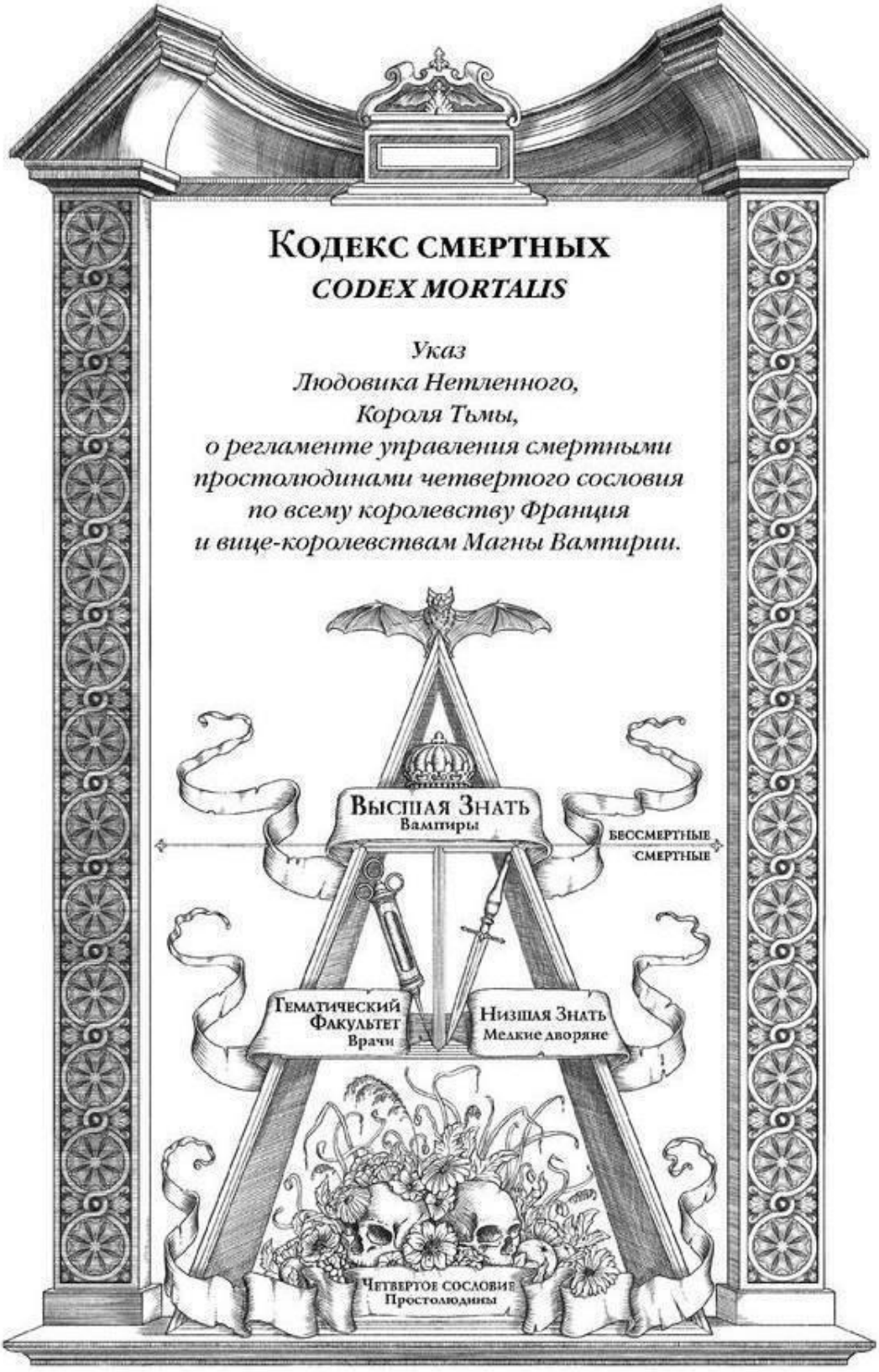
Никола Буало – Парижские трудности (1666 г. нашей эры)

* * *

Ты двери запри.
При свете луны
На прогулку выходят
Вампиры Тьмы.
К Пьеро протрезвевшему
Придут упыри,
Сдерут с него кожу,
Сгрызут до кости.

Популярная песенка, которую распевали в сумерках Парижа (три с половиной века спустя, в 299 году эры Тьмы)

Магна Вампирия
299 год
Дания
Швеция
Россия
Англия
Польша
Объединенные провинции
Пруссия
Германия
Киммерия
Франция
Швейцария
Австрия
Молдавия
Трансильвания
Савойя
Венеция
Пьемонт
Валахия
к берегам американских вице-королевств
Испания
Португалия
Тоскана
Неаполь
Османская империя
Марокко
Морея
Османская империя
Королевство Франция
Государства союзников
Граница Магны Вампирии
Вице-королевства
Терра Абоминада (последняя известная граница)


Кодекс смертных
CODEX MORTALIS
Указ
Людовика Нетленного,
Короля Тьмы,
о регламенте управления смертными
простолюдинами четвертого сословия
по всему королевству Франция
и вице-королевствам Магны Вампирии.
Высшая Знать
Вампиры
Бессмертные
Смертные
Тематический
Факультет
Врачи
Низшая Знать
Мелкие дворяне
Четвертое сословие
Простолюдины

Преамбула

Милостью Тьмы общество Магны Вампирии разделено на четыре сословия. Бессмертные: Вампиры высшей аристократии. Смертные: Мелкое дворянство низшей аристократии Доктора гематического Факультета и четвертое сословие — простолюдины. Приведенные ниже статьи закона касаются последней категории населения.

Статья 1. ПОВИНОВЕНИЕ. *OBOEDIENTIA*

С момента рождения и всю жизнь простолюдины находятся под защитой вампиров. Поэтому они обязаны им подчиняться полностью и безоговорочно.

Статья 2. ЗАКОН О НЕВЫЕЗДЕ. *SEQUESTRUM*

В течение дня, пока светит солнце, простолюдинам запрещено отдаляться от колокольни своего населенного пункта дальше одного лье[1].

Статья 3. КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС. *IGNITEGIUM*

В течение всей ночи сразу после того, как прозвучит набат, простолюдинам запрещено покидать свои дома.

Статья 4. ДЕСЯТИНА. *DECIMA*

Каждый месяц простолюдины обязаны отдавать десятую долю своей крови.

Статья 5. САНКЦИИ. *SUPPLICIUM*

Любое лицо, нарушившее статьи закона, будет казнено.

---

[1] Лье — старинная французская мера длины. 1 лье = 4,444 км.

1. Вторжение

НЕТ БОЛЕЕ УЯЗВИМОГО СУЩЕСТВА, *чем спящий человек.*

Во сне мы вновь становимся беззащитными новорожденными. Как эта девушка в огромной кровати, слишком широкой для нее.

Вокруг все неподвижно, кроме бутона, постепенно увеличивающегося на пеньюаре. Это кровавая роза с медленно распускающимися лепестками по шелку на уровне пронзенного сердца.

Чем сильнее краснеет цветок, тем белее становится лицо девушки.

Губы бледнеют в считаные секунды.

Цвет лба сливается с оттенком серебристых волос, разметавшихся по подушке.

В глубине удивленно застывших глаз вижу свое отражение, как в зеркале…

…и понимаю: эта молодая усопшая – я!

Я резко вынырнула из сновидений, прижимая руку к груди. К тому самому месту, куда смерть вонзила кинжал.

Кошмар!

Под судорожно сжатыми пальцами бешено билось сердце: я жива!

В унисон с его ударами за тяжелыми портьерами окна неистовствовала гроза.

Я выбралась из потных простыней и прошлась по темным покоям: мне как оруженосцу Короля Тьмы выделили одну из самых больших комнат в Версальском дворце.

На ощупь нашла и опустилась на стул возле туалетного столика, прокрутила колесико тускло дремавшей масляной лампы, разбудив ее. Из полутьмы свет выхватил бронзовые настенные часы, которые показывали пять утра. Стоял конец ноября, а значит, до восхода солнца оставалось еще более трех часов. Я не могла растрачивать впустую ни единой минуты сна – слишком редкой ценности в моей новой жизни оруженосца. Ровно в восемь – церемония большого отхода Короля ко сну. Я должна стоять перед его усыпальницей вместе с остальными пятью оруженосцами.

Я поспешно открыла банку с пилюлями из белой ивы[1], откуда взяла сразу две штуки, чтобы унять боль, разъедавшую мозг, – постоянный избыток черной желчи приводил к хроническим мигреням…

В ожидании, пока средство подействует и вернет меня в объятия Морфея, я рассматривала свое помятое лицо в зеркале, на золотой раме которого дворцовые мастера выгравировали инициалы Д и Г: Диана де Гастефриш. Имя, под которым я жила при Дворе уже месяц. Имя героини, помешавшей покушению на жизнь Короля. Он не ведал, что мое настоящее имя Жанна Фруаделак, что я не благородная дочь провинциального барона, а простолюдинка, вся семья которой была зверски убита королевскими войсками. Что я приехала в Версаль не с целью служить ему, а чтобы подорвать империю изнутри.

Посреди глухой ночи масштабность моей миссии сокрушала. Я знала, что ложь висит на волоске, и не смела представить, каким мучениям меня предадут, если обнаружат подлог. С момента появления в Версале я жила в постоянной тревоге, мучившей по ночам мрачными сновидениями… вроде сегодняшнего, от которого я проснулась, словно от толчка. Размышляя об этом, я пристальнее вгляделась в свое отражение в поисках черт, которые могли бы меня выдать. Достаточно ли надменна осанка под седой массой волос, заплетенных в косу? Правильно ли поджаты тонкие губы? Достаточно ли презрительны большие глаза?

---

[1] Данное описание может быть смертельно опасно. Это плод вымысла. Повторение действий героев может быть чревато летальным исходом. (*Прим. ред.*)

Я пыталась изобразить гордую баронессу, однако видела в зеркале потерянную крестьянку, сироту, абсолютно одинокую в этом огромном мире…

…только *действительно ли одинокую?*

Неясное движение в углу зеркала за спиной привлекло внимание.

Нахмурившись, я прощупала взглядом комнату. В глубине, в стороне от слабого ореола, отбрасываемого масляной лампой, царила кромешная тьма.

Но все же почудилось будто одна из бархатных портьер мягко колыхнулась. Точно не сквозняк. Вечером перед сном я закрыла окно.

Внезапная догадка пронзила мозг, словно вспышка молнии, моментально рассеяв головную боль: *кто-то проник в мою спальню!*

Я застыла на стуле, внутренности живота сплелись в тугой узел.

Ночной кошмар был зловещим предупреждением.

– Кто здесь? – проблеяла я высоким, дрожащим голоском, словно ягненок, ожидающий расправы.

Ответа не последовало, однако портьера прекратила колыхаться. Значит, за ней действительно кто-то прятался!

По телу пробежали мурашки от страха: тонкий шелковый пеньюар не защитит от наточенного клинка или острых клыков. Ткань окрасится в багряный цвет, совсем как в моем страшном сне. Шпага оруженосца далеко от меня – в ножнах в глубине шкафа, в другом конце этой огромной комнаты.

– Предупреждаю: если я закричу, здесь немедленно появятся швейцарские гвардейцы!

Слова прозвучали под аккомпанемент грозы, словно само небо расхохоталось над моими детскими угрозами. Мало того, что снаружи ревела буря, так еще и в вестибюле между моей спальней и дворцовым кулуаром стоял невыносимый шум. Сквозь яростные завывания стихии я едва слышала музыку ночного веселья, подходившего к концу на нижних этажах замка. В этот самый момент под моими ногами, прежде чем отправиться почивать в холодные гробы, благородные вампиры опустошали последние кубки теплой крови. Вместе с ними смертные придворные наслаждались изысканными винами, напиваясь до одури, чтобы после отоспаться в уюте теплых постелей.

Поэтому даже если я буду орать во всю мощь своих легких, меня никто не услышит.

Дрожащими пальцами на ощупь я перебрала предметы на туалетном столике в поисках хотя бы какого-нибудь оружия. К несчастью, кроме расчесок и щеток ничего стоящего не попалось. Рука случайно ударила банку с пилюлями белой ивы. Она упала на паркет, разбившись вдребезги.

Словно по команде бархатные портьеры резко распахнулись, обнажив темный силуэт. Я вскочила на ноги и бросилась к выходу. Однако недостаточно быстро. В мгновение ока незваный гость встал между мной и дверью, преградив путь.

Быстрым взглядом я окинула его: промокшая под грозой рубашка, залатанные холщовые брюки. Лицо скрывал черный платок с отверстиями для глаз. Железной хваткой человек схватил меня и грубо подтащил к себе, занеся кинжал, на тонком лезвии которого плясали блики от лампы.

Губы скривились под краем импровизированной маски:

– Сдохни, грязная лизоблюдка мертвых!

Доля секунды, потраченная незнакомцем на то, чтобы произнести оскорбления, позволила мне перенести вес тела на правую ногу и ловко увернуться от кинжала. На мгновение потеряв равновесие, убийца выпустил меня. Сгруппировавшись, я перекатилась на середину комнаты.

Раскат грома, более оглушительный, чем все предыдущие, заставил завибрировать пол под моими ушибленными ладонями.

Я встала, еле дыша, понимая, что вырвала у смерти лишь короткую передышку: враг все еще стоял у двери, отрезая пути к спасению.

Он шагнул ко мне, прихрамывая, как я только что успела заметить. Хромой или нет, не думаю, что убийца ошибется дважды.

– Я… я не та, за кого вы меня принимаете, – запинаясь, произнесла я, лихорадочно придумывая, что делать.

Узнать, кто он.

Почему хочет убить меня.

И прежде всего выиграть время!

Губы незнакомца снова скривились под маской.

– Ты *именно* та, за кого я тебя принимаю! – прорычал он, приближаясь. – Придворная, которая жаждет славы и прислуживает вампирам, мечтая трансмутироваться в бессмертную. Поэтому ты спасла жизнь тирану!

В тоне слышались стальные нотки ненависти, такие же твердые и непоколебимые, как лезвие его кинжала. Однако в то же время я почувствовала легкую дрожь в голосе, подобную хрупкому стеклу, которое вот-вот разобьется.

Мысли с бешеной скоростью пронеслись в голове. Я не знала, что делать. Передо мной, очевидно, фрондер[2], обвиняющий меня в том, что я помешала убийству Короля… Только к каким мятежникам он относится?

К Фронде дворян, которая мечтает занять место Нетленного на троне? Как заговорщик Тристан де Ля Ронсьер, которого я убила в прошлом месяце?

Или он, как и я, служит народной Фронде, одержимой безумной целью освободить мир от гнета вампиров?

Простота его одежды разительно отличалась от шелковых нарядов вельмож. Ссутуленные плечи не имели ничего общего с горделивым петушиным обликом версальских придворных. Рука, схватившая мою кисть, была мозолистой, натруженной рукой простолюдина.

«Лизоблюд мертвых» – такими презрительными словами простой народ шепотом называл благородных смертных, готовых на любую низость, лишь бы угодить вампирам.

– Постой! – воскликнула я, бросаясь с головой в омут. – Я помешала де Ля Ронсьеру не для того, чтобы спасти жизнь деспоту, как ты думаешь. А для того, чтобы спасти Францию от тирании, еще более жестокой!

Незнакомец остановился в нескольких метрах от меня и прорычал:

– Что ты мне тут сказки рассказываешь, дворяночка?

– Я не мечтаю о трансмутации. Но Тристан де Ля Ронсьер хотел трансмутировать, чтобы получить корону. Хуже того: он планировал отменить *numerus clausus*[3], ограничивающую число вампиров в королевстве. Если бы ему это удалось, то все смертные дворяне превратились бы в кровопийц, истребляя людей, как никогда прежде!

Кинжал в руке убийцы задрожал, он засомневался, балансируя на тонкой нити, как канатоходец, в любой момент рискующий сорваться вниз от ослепляющей его ярости.

– Поверь мне. – Я заставила себя говорить спокойнее, понимая, что малейшее повышение тона может разозлить убийцу. – Я говорю правду.

Мужчина громко фыркнул, подавляя всхлип.

– Правду? – тяжело повторил он. – Может быть… а может и нет. Единственное, что знаю наверняка: это ты убила Туанетту, подлая!

---

[2] *Фрондеры*, участники Фронды. *Фронда* – общественное движение во Франции XVII в., направленное против абсолютизма.

[3] Numerus clausus (*лат.*) – процентная норма, ограничение численности.

Туанетту? Перед глазами встал образ юной служанки из школы «Гранд Экюри». Открытое лицо, усыпанное веснушками. Застенчивая улыбка, когда наши взгляды встречались. Сгибы локтей, отмеченные шрамами кровавой десятины ежемесячно взимаемой гематическим Факультетом со всех простолюдинов королевства. Я увидела себя, вчерашнюю пансионерку, протыкающую вены девушки. Мадам Тереза, управляющая женским крылом школы, приказала мне пустить кровь бедняжке в разгар светского ужина, чтобы наполнить кубок маркизы Вовалонской, одной из самых жестоких вампирш Двора.

– Туанетта умерла? – Я не верила своим ушам. – Но месяц назад, когда я покинула «Гранд Экюри», она была жива!

– В раны, которые ты ей нанесла, попала инфекция. Игла, которую ты использовала, была грязной или того хуже!

Я вспомнила, как мадам Тереза безжалостно отчитывала служанку за ничтожный фунт украденной ею муки. Неужели садистка-управляющая дала мне отравленную иглу, чтобы убить несчастную?

– Я не знала… – в ужасе пролепетала я. – Клянусь…

Однако убийца не слушал.

– Теперь твоя очередь ощутить прокол кинжала! – прокричал он.

Его клинок взмыл так быстро, что я не успела увернуться. Острая боль пронзила правую скулу. Хромой безумец занес руку для второго удара.

Неожиданно в памяти всплыли слова Туанетты, когда она пыталась объяснить причину своего мелкого воровства жестокой мадам:

«Мои родители старые и больные. Брат – плотник, но больше работать не может. Он сломал ногу в прошлом месяце, когда упал со строительных лесов[4]*, ремонтируя стены замка».*

Догадка поразила меня в самое сердце:

– Так ты – брат Туанетты? Плотник? О, я знаю, что значит потерять любимую сестру! – Кинжал застыл в воздухе. – Как будто ампутировали частичку тела! Как будто отрезали половину души! Только я потеряла дорогого брата. Бастьян был для меня всем… – К горлу подступил ком. – Королевские драгуны расправились с ним и родителями в моей родной деревушке в Оверни.

Брат Туанетты, а я убеждена, что это был именно он, стоял так близко, что сквозь грубо вырезанные дыры в платке я видела его блестящие глаза. В них читалось замешательство. Гнев. И главным образом горе.

– Драгуны Короля убили твою семью? – удивленно пробормотал он. – Твою? Оруженосца благородного происхождения?

– Я не та, за кого ты меня принимаешь. Благородство моего происхождения – всего лишь ловкий обман. Иллюзия. На самом деле я – дочь аптекаря и даже хуже: дочь фрондеров.

Признаваясь в обмане, я знала, что играю со смертью. И все же слова сами вылетели из уст. Потому что это последний шанс заставить страдальца поверить мне. И потому что я узнала в нем себя. Ту, какой была в первые дни после убийства родных. Этот юноша не принадлежал ни к одному из тайных обществ. Он не являлся эмиссаром какой-либо Фронды, народной или дворян. Он просто пушечное ядро, горящее от отчаяния, которое неслось к ближайшей цели сквозь хаос мира.

– Я… я не знаю, можно ли тебе верить, – неуверенно произнес он.

Беспокойные глаза остановились на моих оголенных руках, в том месте, где еще месяц назад я носила шрамы от десятины, как и все простолюдины. Однако позорные отметины бес-

[4] *Строительные леса* – оборудование для размещения рабочих и материалов при выполнении строительных, монтажных и других работ.

следно исчезли с тех пор, когда я, как и все оруженосцы, выпила «Глоток Короля». Королевская кровь обладала магией ускорения регенерации тканей плоти.

– Кровь Нетленного затянула раны! – воскликнула я, предвосхищая вопрос юноши. – Пришлось сделать глоток, чтобы стать оруженосцем. Но в душе я осталась простолюдинкой!

Я поспешно вынула из кармана пеньюара карманные часы мамы, единственное, что у меня осталось в память о семье. На обратной стороне бронзовой крышки было выгравировано несколько слов.

– *Свобода… или… смерть…* – с трудом расшифровывал полуграмотный плотник.

– Это девиз народной Фронды. И доказательство того, что я на твоей стороне.

Брат Туанетты наконец опустил кинжал. Его взгляд упал на собственные грубые башмаки и их мокрые следы на свеженатертом паркете, словно юноша задумался, что он здесь делал.

– Всегда есть возможность наполнить свое горе смыслом, – мягко сказала я. – Ты мог бы чтить память сестры так, как я чту память Бастьяна и родных: разрушая Магну Вампирию в самом ее сердце.

Он посмотрел на меня широко открытыми глазами, дрожа от недоверия, как будто только что услышал богохульство.

– Меня зовут Жанна Фруаделак. – Я протянула юноше руку.

– Полин Требуше, – выдохнул он.

Я улыбнулась, несмотря на печаль в душе.

– Народная Фронда могла бы рассчитывать на такого человека, как ты, Полин. Присоединяйся к нам в борьбе за спасение четвертого сословия.

Глаза юноши расширились еще больше. В них отразилось то же удивление, что я испытала сама, узнав о существовании революционной организации, охватившей несколько континентов.

– О чем ты говоришь? Разве не знаешь, что для четвертого сословия нет спасения? Вампиры ни за что не сдадут своих позиций. Напротив, их сила со временем будет только расти. С каждым годом Земля леденеет все больше. Ночные мерзости расплодились как никогда раньше. Нет света в конце тоннеля. Есть только Тьма, черная и холодная.

Юноша бросил разочарованный взгляд на мой роскошный шелковый пеньюар.

– Возможно, ты забыла об этом, когда переехала в замок, но именно мы, простой народ, всегда и за все расплачиваемся своей жизнью. Мы умираем от голода из-за неурожая. Мы отдаем свою кровь бессмертным. Мы становимся добычей, словно животные, во время ночной охоты.

Его мрачные слова удручали. Я знала, что Полин прав: в последние годы зловещее господство Тьмы в мире крепло день ото дня. Жажда вампиров росла с каждым месяцем, а ночи порождали новую нечисть.

– В предместьях Версаля упыри чрезвычайно прожорливы, – с горечью продолжал плотник. – Ходят слухи, что в Париже дела еще хуже. В конечном итоге вампиры высосут нас до последней капли крови, а монстры-каннибалы сожрут нашу плоть!

Никогда не сталкиваясь с нечистью в своей глухой деревушке на Крысином Холме, я тем не менее знала, что эти некрофаги в изобилии водились на кладбищах больших городов… и иногда нападали на бедных горемык, имевших несчастье остаться на улице после объявления комендантского часа.

Я тряхнула головой, прогоняя ужасные видения. Дрожащие тени и завывания бури за окном наполнили спальню, словно нечисть пыталась материализоваться в пространстве.

– Когда-то я была в таком же отчаянии, что и ты, Полин, однако Фронда вдохнула в меня силы! – с жаром убеждала я юношу. – Нельзя терять надежды. Огромная сеть организации тайно готовит революцию против Магны Вампирии. Не только здесь, во Франции, но и в Аме-

рике. Мы хотим освободить мир от кровопийц. Мы хотим положить конец эпохе Тьмы. Мы хотим навсегда истребить вампиров, упырей и прочую нечисть!

Сквозь портьеры молния озарила комнату слабым светом, словно робкий луч надежды на новую жизнь. Его блеск отразился в глазах Полина – в глазах сбившегося с истинного пути человека, который искренне хотел поверить мне.

– Если, по твоим словам, эта организация действительно существует, то какая ей польза от такого калеки, как я?

Он опустил взгляд на хромую ногу.

– Тебе же удалось пробраться в мою комнату, несмотря на хромоту, – напомнила я юноше. – Наше великое дело только выиграет, если его членом станет агент, способный как тень проходить в самые недоступные уголки Магны Вампирии.

Под краем платка я увидела бледную улыбку на губах Полин.

– Два дня назад я вернулся на работу с единственной целью: отомстить за сестру, даже если это будет стоить мне жизни, – признался он. – Под прикрытием бури мне удалось проскользнуть мимо гвардейцев, охранявших дортуар, куда приводят рабочих на время комендантского часа. Как опытный плотник, проработавший в замке несколько лет, я знаю, по каким крышам можно пройти незамеченным и какие служебные коридоры использовать, чтобы добраться, например, сюда.

Он кивнул на штору за которой прятался: за малиновым бархатом скрывалась дверь, которую я раньше не замечала.

– Уходи тем же путем, что и пришел, пока стражники не хватились тебя. Поспеши! Через неделю жду тебя здесь в это же время. Тем временем я поговорю с координатором народной Фронды. Не могу назвать его имя, по крайней мере сейчас. Но обещаю: он найдет тебе применение на благо общего дела.

Полин глубоко вздохнул. Он казался выше и прямее, чем когда ворвался сюда. Таков эффект надежды, какой бы хрупкой она ни была. Надежды, помогающей подняться во весь рост, дающей силы сломленным мужчинам и женщинам. В эту комнату вошел отчаявшийся человек, а выйдет из нее боец!

Юноша взволнованно развязал платок-маску:

– Ты открыла мне свое сердце, Жанна. Я открою тебе свое лицо.

В свете масляной лампы я увидела совсем юные, веснушчатые черты: лицо Туанетты. Бледная улыбка напомнила улыбку моего дорогого Бастьяна, навсегда запечатленную в памяти. Улыбку паренька, который наконец-то осмелился мечтать о другой жизни.

– Ничто не сможет тебе заменить сестру, Полин, – сказала я, тронутая до слез. – Как ничто не сможет мне заменить брата. Но с этого момента, если ты хочешь, мы станем друг другу братом и сестрой по оружию. – Я протянула руки и добавила: – Свобода или смерть!

Он в свою очередь обнял меня и прижал к себе в братском объятии, которого мне так не хватало.

Под звуки бури, грохотавшей снаружи, Полин горячо повторил:

– Свобода или сме…

Последнее слово застряло у него в горле. Я поняла: это от переполнявших юношу эмоций. И эти теплые струйки на моем лице – конечно же, его слезы. Я подняла руку, чтобы утереть щеки назва́ного брата. Мои пальцы коснулись теплой вязкой жидкости. В тусклом свете масляной лампы его лицо напоминало маску.

– По… Полин? – прошептала я.

В ответ раздалось ужасное бульканье. Моя рука скользнула от щеки юноши к его рту, из которого доносились звуки. Между губами сверкнул металлический язык: острие шпаги, только что пронзившей шею и нёбо.

– Предательница! – прорычал чей-то голос.

В ужасе я вырвалась из объятий Полина, чьи мускулистые руки, казалось, хотели меня удержать, чтобы я тоже обняла смерть. Металлический язык втянулся в ротовую полость. Вернее, убийца резко вынул клинок из плоти юноши.

Одного взгляда на ливрею цвета красной марены и треуголку, украшенную фестонами, хватило, чтобы понять: передо мной швейцарский гвардеец!

Леденея от страха, я заметила открытую дверь, через которую злодей незаметно пробрался.

– Я услышал шум в комнате! – прорычал стражник, вытирая окровавленную шпагу о сапог. – Вышел в вестибюль и приложил ухо к стене, чтобы проверить, спите ли вы. Ох, не зря я так поступил: я слышал весь разговор, мадемуазель Диана… то есть Жанна!

Он приближался ко мне, угрожающе подняв оружие.

– Подумать только: любимый оруженосец Короля – агент Фронды! Когда Нетленный узнает, он покарает тебя должным образом… а меня вознаградит по заслугам!

Направив в мою сторону шпагу, гвардеец дернул за шнур портьеры, не оставив шансов на спасение. На этот раз мне угрожал не любитель, едва умевший обращаться с оружием, а воин элитного подразделения: швейцарские гвардейцы – лучшие фехтовальщики королевства.

Стражник неторопливо обошел тело Полина, ни на секунду не отрывая от меня взгляд.

Сыграв решающую роль в спасении монарха, я заработала репутацию жестокой, а «Глоток Короля» должен был развить во мне суперчеловеческие способности… которых я так и не обнаружила. Королевская кровь лишь усилила хронические мигрени.

– А на вид-то совсем неказиста: так, мелкая гризетка, – нервно издевался враг. – Судачат, что ты – свирепый воин. Смешно в это верить.

– Я – обычная охотница, вырванная из лесов и полей.

В горле у меня пересохло.

– Сейчас ты спокойно дашь связать себя, как зайца, или я насажу тебя на этот шампур точно так же, как этого ублюдка!

Злодей зашел за мою спину, приставил острие лезвия к горлу и с дьявольской ловкостью намотал шнур вокруг моих запястий.

– Очень сомневаюсь, что вы сможете насадить меня на шампур, – выдохнула я.

– Отчего же? Если бы ты только знала, скольких оборванцев я прикончил за свою службу!

– Вы должны оставить меня в живых, чтобы Король мог услышать признание от меня лично. Если же просто предъявите мой труп, то не получите ни повышения, ни почестей. Напротив, рискуете быть повешенным за убийство *любимого оруженосца*, как сами изволили выразиться…

– Заткнись, предательница! – прикрикнул солдат, отодвигая лезвие от моей шеи.

Однако в голосе его прозвучало сомнение.

Вот он, удачный момент!

Стремительно развернувшись, я толкнула гвардейца, накинула на его шею шнуры моих связанных запястий и с силой затянула их на выступающем адамовом яблоке убийцы.

– Я… что… – задыхаясь, промычал он, отчаянно размахивая мечом перед собой.

То, что раньше считалось моей слабостью, превратилось в мою силу. Маленькое тело, над которым гвардеец насмехался несколько минут назад, стало недосягаемым. Мои ноги оторвались от земли. Я повисла на импровизированной гарроте[5], как звонарь на колоколе.

Только вместо звона человеческий колокол издавал гортанную икоту. Рев бури заглушил и унес эти звуки вместе с грохотом наших тел, рухнувших на пол.

Швейцарский гвардеец наконец отбросил шпагу, чтобы освободить руки и ослабить смертельный узел на шее. Ему бы это удалось, если бы с самого начала он пустил в ход мощь

[5] *Гаррота* – орудие казни через удушение.

рослого мужчины. Но лиходей потерял драгоценные секунды, цепляясь за оружие, и теперь силы покидали его. Как бы он ни старался, толстые пальцы не могли пролезть между натянутыми шнурами и фиолетовой шеей. Мои крепко сжатые запястья побелели от усилий.

Задушить!

Заткнуть навсегда!

Отомстить за Полина, Бастьяна и всех жертв Магны Вампирии!

Внезапно острая боль пронзила голову: рука убийцы схватила мои волосы и потянула их с той предельной силой человека, который уже чувствовал дыхание смерти.

Чтобы не завыть от боли и не переполошить весь дворец, я прикусила щеку изнутри. Зубы погружались в мою кожу так же, как шнуры в плоть гвардейца, чьи вздутые вены напоминали вибрирующие змейки.

Внезапно рука стражника ослабла. Его шея между моими сжатыми кулаками перестала пульсировать. Огромная голова тихо качнулась и свесилась набок.

Задыхаясь, я медленно поднялась, еле двигая одеревеневшими пальцами рук. Меня накрыло отвращение: пришлось убить, чтобы спасти себя и тайну Фронды.

Неподвижное тело гвардейца лежало в крови, медленно сочившейся из пронзенной шеи Полина. Оба убитых, казалось, просто уснули: нищий, а рядом – его хвастливый убийца. Они застыли в вечном сне, совсем как спящая девушка из моего ночного кошмара.

Неожиданно ветер хлопнул ставнями, будто скелет клацнул вывихнутой челюстью: сама Тьма зашлась в сатанинском хохоте.

2. Большой отход ко сну

– ОПРЕДЕЛЕННО ВЫ ПРИВЛЕКАЕТЕ ФРОНДЕРОВ как пламя свечи мотыльков, мадемуазель де Гастефриш! – заявил Король Тьмы.

В сопровождении придворных и ледяного бриза – свидетельства присутствия вампиров – монарх только что прибыл в кулуар своей усыпальницы.

Каждый закат и каждый рассвет я должна приветствовать суверена вместе с другими оруженосцами. Сегодняшнее утро – не исключение, хотя мне едва удалось избежать смерти: ничто не может нарушить устоявшийся трехсотлетний церемониал Версаля, эту назойливую симфонию ада на Земле.

– Возможно, просто совпадение, Сир, – ответила я, склонив голову перед внушительной фигурой в драгоценных одеждах. – Фрондер оказался в моей спальне случайно, он мог появиться в любой другой.

Разговор о Полине в прошедшем времени после нашего с ним недавнего знакомства был невыносим. Но демонстрировать печаль, переполнявшую меня, нельзя ни перед Королем, ни перед столпившимися вокруг него придворными, ни перед пятью оруженосцами в темных кожаных нагрудниках.

– Нет. Мы не думаем, что это совпадение.

Король остановился в нескольких метрах от меня, возвышаясь во всем своем великолепии над собранием. Кровь стыла в моих жилах от звуков глубокого голоса, исходившего из металлических губ, от могильного холода, который обволакивал величественную фигуру.

Под широкополой шляпой с павлиньим пером, между густыми локонами длинных каштановых волос сиял золотой лик Аполлона, бога Солнца. Без эмоций, без выражения. Маска, застывшая в вечности, навсегда скрыла истинные черты первого в истории вампира, по слухам, ужасно изуродованного в результате трансмутации, подарившей ему вечность.

– Негодяй напал на вас, зная, как вы Нам[6] дороги. Поделитесь, каким образом вы избавились от этого насекомого – вредителя.

Бароны и маркизы уставились на меня, с жадным любопытством рассматривая рану, оставленную кинжалом Полина на скуле. Веки смертных трепетали от нетерпения, зрачки бессмертных сузились при виде крови. Я чувствовала на себе внимательные взгляды моих компаньонов по оружию. Оруженосцы не подозревали, что на самом деле я – волк в овчарне.

– Увидев злодея в спальне, я закричала. Храбрый гвардеец прибежал на помощь, но убийца перерезал ему горло.

Я умолчала, что сама перерезала стражнику шею, дабы скрыть истинную причину смерти – удушение, интуитивно догадываясь, что такой способ кончины лучше впишется в мои показания.

– Я лишь успела схватить шпагу несчастного, чтобы обратить его против агрессора.

Один из вампиров, сопровождавших монарха, вышел вперед. Изможденное лицо вынырнуло из завитков парика, как острие топора. Следом появилось длинное, худое тело, увешанное медалями, – Эзешьель де Мелак, министр Армии.

– *Обратить шпагу против агрессора* – слабо сказано, Ваше Величество! – воскликнул он. – Согласно докладу солдат ваш оруженосец вонзил клинок в шею злоумышленника по

[6] Многие монархи в истории говорили о себе во мн. ч. – «мы» и «нас». Делалось это с целью подчеркнуть свое превосходство над всеми остальными. Кроме того, говорящий так правитель выступал не только от своего имени, но и от имени всех своих подданных.

самый эфес! Мадемуазель пришпилила его, как вульгарного мотылька, которого вы упомянули!

Придворные разразились смехом над забавной шуткой маркиза. Король поднял руку. Рукав, декорированный кружевами из Кале[7], прикрывал длинные белые пальцы, унизанные драгоценностями. Смех тут же прекратился.

– Мне донесли, что убийца работал плотником на нашей стройке. Это правда?

Маленький человечек в черных одеждах склонился перед монархом так низко, что локоны седого парика подмели паркет. Это Бонтан XXI – смертный управляющий замка, названный так потому, что он – двадцать первый потомок камердинера, служившего Людовику XIV еще до трансмутации.

– Да, Сир. Полин Требуше после серьезной травмы ноги был восстановлен в бригаде, работающей над расширением замка. И вот как отблагодарил мерзавец за великодушие: напал на ваших людей во время сна…

– Нет! Он напал на Нас! – Зычный голос монарха заставил качнуться люстры из богемского хрусталя. – Ибо Наша священная кровь течет в венах оруженосцев! Кто осмелился прикоснуться к ним, прикоснулся к Нам!

В помпезном, раззолоченном кулуаре придворные застыли, окаменев, словно древний мрамор на стенах.

Оруженосцы – особая каста приближенных Короля – находилась между низшей ступенью смертных дворян и высшей вампирической. В наших жилах всего лишь глоток сверхъестественной крови, которого недостаточно, чтобы стать бессмертным. Однако как напомнил сам Нетленный, это священная кровь. *Королевская.*

– Тело подлого фрондера выставить на стене Облавы на радость воронью, – велел суверен. – А всех рабочих в дортуаре пороть до крови, пока они не выдадут имена соучастников.

– Э-э… Ваше Величество! Похоже, бунтовщик действовал в одиночку, без сообщников… – прошелестел писклявый голосок Бонтана.

Одного взгляда монарха было достаточно, чтобы тот заткнулся. Камердинер испуганно втянул морщинистую шею в плечи, как черепаха в панцирь.

– Скажите, Монфокон, есть ли связь между этим Полином и заговорщиками, гниющими в наших тюрьмах? – обратился Король к Раймону де Монфокон, гиганту, одетому в длинный плащ с широким воротником, который предназначался для верховой езды. По его плечам раскинулись локоны парика, мягкого, словно ветви плакучей ивы.

Директор школы «Гранд Экюри», как и я, – двойной агент при Дворе. Пользуясь своим положением, он тайно координировал деятельность народной Фронды в течение многих лет. Именно Монфокон завербовал меня еще в школе. Став оруженосцем, я терпеливо ждала его указаний, чтобы служить общему делу.

Если жестокая расправа над семьей породила мою преданность Фронде, то Главным Конюшим двигало чувство вины. Потомок древнейшего рода палачей, состоявших на службе у Нетленного, мучился от груза кровавого наследия, преследовавшего его по сей день.

– Между Полином Требюше и заговорщиками нет никакой связи, Ваше Величество, – произнес великан гортанным голосом. – Во время допросов ни один из участников нападения не назвал имя преступника. Речь, безусловно, идет о фанатике, не имеющем отношения к покушению прошлого месяца. Новость о сорвавшемся заговоре могла просто подстегнуть безумца.

– Возможно. Но все ли фрондеры арестованы? – осведомился Король.

Министр Армии выкрикнул, спесиво надувшись, словно боевой петух:

---

[7] *Кале* – французский город, который славится старинным производством кружев.

– Абсолютно, Сир! Тридцать два мерзавца погибли на месте преступления, увидев Ваше Великолепие!

Великолепие…

…Эвфемизм для описания обнаженного лика Короля, на краткий миг сорвавшего с себя во время покушения золотую маску. Я тогда стояла за спиной монарха. Никто из тех, кто хотя бы мельком взглянул на него, не дожил до дачи свидетельских показаний.

– И шестьдесят семь были задержаны в кулуарах Версаля, – подобострастно продолжал Мелак. – Оставшиеся сорок три захвачены моими войсками в Арденнах, во владениях де Ля Ронсьеров. В том числе и зачинщица преступления – Бланш де Ля Ронсьер, мать презренного Тристана.

Подобно Юпитеру, карающему своих врагов молнией, монарх ударил тростью об пол:

– Давите заключенных, как плоды оранжереи, пока не извлечете костный мозг из треснутых костей и признания из вероломных уст!

Настенные часы в кулуаре пробили восемь раз.

Из тени монарха выступил прелат в длинной алой мантии: Экзили, Главный Архиатр[8] Франции, глава гематического Факультета и личный врач Короля.

Лысый, с синюшным оттенком скелетообразный череп архиатра, торчавший из широкого белого воротника «фреза»[9], нагонял на меня страх с тех пор, как я впервые увидела его.

– Восемь часов, Ваше Величество, – прошипел сиплый голос рептилии, от которого встал дыбом каждый волосок на моей коже. – Уже утро, скоро наступит день…

– Да будет так! Мы отправляемся на покой, – объявил Король, протянув свою огромную шляпу Главному Смотрителю королевского гардероба, принявшему ее в обе руки так трепетно, словно она была украшена перьями ангела, а не павлина.

Армия камердинеров немедленно поспешила к монарху, чтобы забрать трость с жемчужным наконечником, а также снять с него королевскую портупею, жабо, украшенное драгоценными камнями, и камзол, расшитый золотыми нитями. Помпезный ритуал раздевания монарха являлся огромной честью для присутствующих и проходил под пристальным взглядом Главного Камергера – тучного, напыщенного вампира, увешанного лентами. Он уже целую вечность отвечал за покои Короля.

Зеленоглазый, черноволосый юноша справа незаметно поддел меня локтем. Это Рафаэль де Монтесуэно, молодой рыцарь из Кастилии, единственный оруженосец, проявивший ко мне дружеские чувства, когда я появилась при Дворе. У меня сложились неважные отношения с остальными оруженосцами. Эленаис де Плюминьи состязалась со мной в яростной борьбе за «Глоток Короля». Доверие Прозерпины Каслклифф пришлось предать, чтобы одержать победу. Сураджа де Джайпур и Зашари де Гранд-Домен я совсем не знала.

– Ты в порядке, Диана? – прошептал Рафаэль, коснувшись моей руки.

Согласно моде испанского Двора его ногти покрывал черный лак. Сердце накрыла печаль. Я не испытывала угрызений совести перед врагами, скрываясь под фальшивым именем, однако обманывать тех, кто искренне желал мне добра, было противно.

– В порядке. Отделалась легкой царапиной… – Я потерла щеку.

– Какая псина посмела испортить идеальное личико! – прошептал мне в шею до боли знакомый, вибрировавший от страсти голос.

Повернувшись, я увидела роскошную рыжую гриву виконта Александра де Мортанж.

Красивый вампир с ангельским лицом влюбился в меня. Вернее, в мой фальшивый образ. Стоило мне покинуть апартаменты, как он следовал за мной повсюду, не выпуская из виду.

---

[8] *Архиатр* – в Средние века звание главного врача города, провинции.

[9] *Воротник «фреза»* – круглый гофрированный воротник из накрахмаленной ткани. Принадлежность мужского и женского костюма знати в Европе XVI–XVII вв.

Передышка наступала только на рассвете, когда виконт, как и другие бессмертные, отправлялся в свой гроб на покой. Александр не знал, кто я на самом деле. Не ведал, что, убив группу фрондеров в глубинке Оверни, принял участие в расправе над моими родными. Но *я знала* и не собиралась забывать! Имя Мортанж находилось в первой строчке списка кровопийц, которых я поклялась уничтожить, как только представится случай.

– Того, кто посмел поднять на тебя руку, я бы убил два раза, – прошептал вампир с любовным пылом, вызвавшим у меня тошноту.

– Простолюдины умирают только раз, Алекс, – возразила я, изящно улыбнувшись. – Лишь аристократам иногда позволено возрождаться с помощью Тьмы.

– Счастливчики! И ты, дорогая Диана, уже на пути к вечной жизни. Ты предотвратила покушение на монарха, выиграла почетное место королевского оруженосца. И вот теперь убила подлого повстанца. Ты просто коллекционируешь подвиги. Эпатаж! Разве не я предсказывал тебе триумф при Версале?

Он заговорщически улыбнулся и незаметно кивнул в сторону Нетленного, все еще окруженного роем услужливых камердинеров.

– Держу пари: Король очень скоро разрешит твою трансмутацию за заслуги перед Короной.

Если пылкость Мортанжа просто отталкивала, то перспектива, о которой он упомянул, наводила откровенный ужас. Нетленный разрешал трансмутацию оруженосцев после завершения их службы при Дворе. Для всех «лизоблюдов мертвых» получить статус бессмертного – высшая честь, недостижимый Грааль. Для меня же – проклятие, которое нужно избежать любой ценой.

Раздался голос Главного Камергера, заглушивший разговоры присутствующих:

– Король раздет!

Главный Вампир империи возвышался во всем черном: блузе, коротких штанах и шелковых чулках. На нем не было жюстокора с нашитыми галунами и кюлотов-ренгравов[10] с лентами.

Церемония раздевания вместо того, чтобы приблизить придворных, отдаляла Короля от них: без многочисленных слоев ткани, поглощавших холод, тело суверена беспрепятственно излучало ледяную, *полярную* ауру. Расстегнутый воротник открывал массивную белую шею с темно-синими, почти некротически черными прожилками. Словно в венах Нетленного текла не священная кровь, а сам Стикс – река подземного царства мертвых, наполненная Тьмой…

Под руководством Экзили небольшая армия врачей в темных мантиях и высоких конических шляпах пришла на смену камердинерам. Они измерили несуществующий пульс монарха, прослушали его бронзовыми инструментами причудливых форм, ощупали бледную кожу. Не знаю, что они узнавали таким образом: здоровье Короля в течение трехсот лет было публичным спектаклем, как и все аспекты его бессмертной жизни. В конце этого барочного ритуала Экзили вручил своему господину хрустальный флакон, наполненный рубиновой жидкостью:

– Ваше лекарство для приема на рассвете, Сир: Богемская кровь, приправленная специями фараонов для укрепления Ваших королевских органов перед сном.

Нетленный, прижав флакон к металлическим губам, осушил его одним глотком.

– Король изволит почивать! – объявил Главный Камергер.

Привратники бросились натягивать толстые бархатные шнуры, чтобы выпроводить толпу. Если бóльшая часть Двора могла наблюдать за началом церемонии Большого Отхода ко Сну в кулуаре, то в гробнице дозволялось присутствовать только самым знатным вельможам… В том числе оруженосцам.

---

[10] *Ренгравы* – принадлежность мужского костюма. Юбкоподобные штаны до колен, отделанные кружевами.

Не успел швейцарский гвардеец торжественно распахнуть двустворчатую дверь в аванзал, за которым находился черный вестибюль, как присутствующие узрели на непроницаемо темной, монументальной стене усыпальницы среди барельефов неожиданное светлое пятно… большой конверт, на котором крупными буквами от руки было выведено:

«Вниманию Короля Тьмы
от Дамы Двора Чудес»

Меня больше всего поразила белая сургучная печать, похожая на самую настоящую, королевскую. Только вместо солнца красовался серп луны – дерзкий полумесяц с глазом без зрачка и торчащими острыми клыками из полуоткрытого рта.

По рядам придворных пробежал приглушенный ропот.

– Дьявол! – выругался Мелак.

– Неслыханное оскорбление! – прошипел Экзили.

Бонтан поспешил убрать конверт, а Главный Камергер принялся заискивающе извиняться:

– Сир, не понимаю. Ни у кого нет доступа в аванзал… – Слуга заикался. Ленты на одежде тряслись от страха. – Все послания проходят через кабинет королевской почты… Я прикажу бросить это в огонь!

– Убирайтесь, *бывший Камергер*, – изрек Нетленный, словно плеснул ядом.

Золотая маска повернулась к Бонтану:

– Кем бы ни была эта персона, которая осмелилась оставить письмо на двери усыпальницы, она хотела вызвать скандал и опозорить Нас перед Двором. Затея провалилась. Мы не позволим Себя запугать. Бонтан, читайте!

– Э-э… *Сейчас*, Ваше Величество? – запинаясь, переспросил слуга.

– Заставите Нас повторить приказ еще раз и уступите место Бонтану XXII! – прорычал монарх.

Дрожащими руками перед изумленными придворными Управляющий Замка вскрыл конверт, достал письмо и приступил к чтению:

«Король Людовик,

Недавно в этой усыпальнице вы соприкоснулись с Абсолютной Смертью. Заговор потерпел справедливое поражение, но сколько других тайн замышляется здесь, в Версале, и еще больше в Париже?

Как солнце не может светить одновременно повсюду, так и ваша бдительность не может охватить всю империю сразу. Чтобы освещать мир вокруг, вам нужны другие вампирические звезды.

Мы, Дама Двора Чудес, вышли из тени, чтобы заявить о Себе и предложить вам следующий союз.

Наш Двор на глубинах Парижа управляет армией упырей и мерзостей, силу которых ваша полиция смогла прочувствовать за последние месяцы. Фактически Мы являемся истинной правительницей столицы. Освободите Париж от своих бесполезных войск и оставьте город нам.

Вице-короли и вице-королевы Англии, Испании и остальных государств Магны Вампириа сидят на тронах от Вашего имени. Сделайте нас вице-королевой Парижа, и мы станем добрыми соседями, подобно Луне, которая царит на небе в отсутствии Солнца.

Получив отказ, мы решительно выступим против Вас.

Помните: когда два светила встречаются на небосводе, Луна затмевает Солнце, а не наоборот».

На протяжении всего чтения бедный Бонтан не переставал трястись. От угрозы, содержавшейся в последних словах письма, зубы старика мелко застучали.

– Под… подписано… Экаta[11], Дама Двора Чудес, – прошептал он, закончив чтение.

Король, бесстрастно выслушав послание, выхватил его из рук слуги и сунул под нос Мелаку.

– Кто? – прорычал он. – Кто эта так называемая Дама Чудес, которая хочет отнять у Нас Париж и превратить его в свое вице-королевство? Мелак, вы ответственны за столицу. Отвечайте!

Министр Армии, обычно уверенный в себе, на этот раз изменил голос:

– Пустая басня, прилетевшая из Парижа, Сир. Согласно тому, что ранее рассказывал Л'Эский, генерал-лейтенант полиции… это вульгарная сплетня, не имеющая под собой оснований. Абсурд, о котором я не счел нужным докладывать вам. Ходят слухи, что в злачных местах столицы возродился новый Двор Чудес, повелевающий нечистью. Конечно же, это невозможно! Все знают, что, с одной стороны, упырей нельзя покорить, с другой – старый Двор Чудес был уничтожен почти триста лет назад.

– Сплетни не подкидывают посланий, – перебил Нетленный. – Не оскверняют стены королевских покоев!

Золотая маска мелко дрожала или мне показалось? Неужели Король… испугался? Потому что всего месяц назад в этой самой гробнице на него напали? Таинственная Дама, желая единолично править в столице империи, бросила вызов Нетленному, предложив сделку, больше напоминавшую шантаж.

– Но, Сир, эта бумажка – наивная фантазия! – тщетно оправдывался Мелак. – Интриганка явно желает воспользоваться возросшей активностью упырей, утверждая, что именно она руководит ими. Вздор! Упыри – ходячие прожорливые животы, у которых нет иной цели, кроме как набить брюхо отвратительной едой!

Экзили откашлялся, издав жуткий звук, похожий на эхо в глубоком колодце, и проскрежетал:

– Данное послание не такая уж и фантазия, как вы говорите, маркиз. Изображение луны – отнюдь не невинный выбор. Небесная сфера, способная затмить Солнце, – не просто провокация. Это алхимический символ упырей.

Несмотря на толстый кожаный нагрудник, по моему телу пробежал озноб. Главный Архиатр лучше всех разбирался в таинственных алхимических эликсирах. Именно он триста лет назад провел ужасный ритуал трансмутации, превративший Людовика XIV в вампира.

– Алхимический символ? – задохнулся Мелак. – Что это значит?

– Доступ ко Тьме закрыт, – загадочно ответил Экзили, – а автор письма – бессмертная. Значит, она – «лишний» вампир, не входящий в *numerus clausus*, то есть в процентную норму Факультета. Другими словами, Дама Чудес – незаконно трансмутированная. Допускаю, что она чрезвычайно могущественный алхимик. Всем известно, что Факультету так и не удалось выяснить происхождение упырей, не говоря уже о том, чтобы покорить их. Но что, если Дама преуспела в этом? Имя, которым подписано послание… Экаta… принадлежит древней богине оккультной луны, той, которая каждый месяц исчезает с неба, чтобы скрыться в недрах Земли. Она – мать чудовищ, кошмаров и колдовства.

– При всем уважении, Экзили, ваша алхимическая тарабарщина просто смешна… – не выдержал Мелак.

– Ничего смешного в алхимии нет! – прохрипел прелат. – Она объясняет участившиеся в столице координированные нападения упырей, о которых вы только что сами упомянули.

---

[11] Hécate (*фр.*) – древнегреческая богиня лунного света и ночной нечисти. По-французски имя произносится как «Экат». В русской версии – это богиня Геката.

Атаки, которые ваши войска до сих пор не могут остановить. Будем ждать, пока нечисть захватит весь город, прежде чем отреагировать?

Министр Армии на мгновение потерял дар речи, ошеломленный публичными, унизительными обвинениями. Развернувшись на красных каблуках – обувь благородных вампиров, – он поспешно и заискивающе заверил Короля:

– Сир, я пошлю всех солдат на поиски узурпаторши!

– Тех же самых, что охраняют Наш дворец? Куда посторонние входят, как на мельницу? – сухо отрезал Нетленный.

Неожиданно золотая маска, отражая блики свечей, обратилась ко мне:

– В последнее время Нам так плохо служат, что Мы доверяем семнадцатилетней демуазель больше, чем вооруженной армии. Вы, Гастефриш! Вы в одиночку раскрыли заговор де Ля Ронсьера. Мы приказываем вам предотвратить новую смуту и найти Даму Чудес, если таковая существует.

Застигнутый врасплох перед сувереном и его приближенными, Мелак метнул в меня цепкий, орлиный взгляд. Тонкие губы скривились в злобной гримасе, оскалив кончики выступивших клыков – проявление дикого моветона, не одобряемого при Дворе. Однако опытному придворному удалось сдержать ярость, сменив ее на сдержанную улыбку, полную горького презрения.

– При всем уважении, Сир, Диана де Гастефриш – всего лишь хрупкая, хилая девушка… – фыркнул он.

– *Хрупкая*? Боец, убивший предателя Тристана де Ля Ронсьера? – возразил Король. – *Хилая?* Демуазель, в чьих жилах течет глоток Нашей священной крови, наделившей ее сверхчеловеческими способностями?

Генералиссимус пробормотал, склонив голову:

– Я… Э… *хрупкая* и *хилая*, вероятно, неточные слова, Сир.

– Абсолютно, ибо вы глупец! Знакома ли вам басня Эзопа «Лев и крыса», пересказанная славным месье де Лафонтеном?

– Басня? – ошеломленно икнул министр. – Простите, Ваше Величество. Я больше разбираюсь в военных трактатах, чем в литературе.

– Ну что ж, вы неправы. Читая литературу, вы бы сумели подобрать *точные* слова для обращения к Королю. А читая Лафонтена, знали бы, что «*часто нужен тот, кто меньше, чем мы есть*». В басне маленькая крыса спасает льва, перегрызая сети, опутавшие могучего хищника. Наша маленькая серая мышь сумеет незаметно пробраться в самые глухие уголки Парижа.

«Маленькая серая мышь» – прозвище, которым наделил меня Нетленный. Смесь признательности и благосклонности. Однако мне необходимо найти способ избежать почетной миссии, которая только что свалилась на мою голову. Чтобы шпионить за придворными, я должна быть здесь, в Версале, а не улаживать в Париже ссоры между кровопийцами, опьяненными властью!

Я неловко присела в глубоком реверансе:

– Сир, Ваше доверие для меня огромная честь. Но я всего лишь провинциалка, которая никогда не бывала в столице…

– Сурадж де Джайпур сопроводит вас. Он знает город как свои пять пальцев, включая те места, куда солдаты маркиза де Мелака боятся соваться. Прошлой весной верный оруженосец по Нашему приказу сражался с упырями в Париже. В то время Мы не подозревали, что какая-то ренегата[12] организовывала их нападения.

[12] *Ренегат* – отступник, изменник.

Молодой индиец покорно склонил тюрбан цвета охры, а я лихорадочно искала новую отговорку.

Быстрее! Подойдет любая идея!

– Есть еще кое-что, Ваше Величество. Вынуждена признаться, что я пока не заметила в себе «сверхчеловеческих» способностей с тех пор, как отпила вашу бесценную королевскую кровь…

«*…кроме мерзких кошмаров и сильных мигреней»,* – мысленно добавила я.

Главный Архиатр, склонившись ко мне, длинными костлявыми пальцами ощупал мою щеку так, словно оценивал спелость фрукта.

– Хм… «Глоток Короля» раскрывает силу по-разному, – произнес он, рассматривая меня впалыми глазницами с высоты огромного воротника «фреза». – Некоторым оруженосцам приходится ждать наступления эффекта дольше, чем другим.

Именно в этот момент Эленаис, которая с самого начала разговора проявляла нетерпение, решила заявить о своем присутствии. Присев в глубоком реверансе, гораздо более изящном, чем мой, она подняла к монарху прекрасное личико, обрамленное каштановыми змейками, уложенными в стиле юрлю-берлю.

– Разрешите поехать в Париж вместо Дианы, Сир! «Глоток» уже развил во мне новые способности. Я чувствую себя сильнее, выносливее и… быстрее.

Король несколько секунд наблюдал за ней сквозь прорези непроницаемой маски.

– Вы соперничаете с баронессой де Гастефриш, мадемуазель де Плюминьи. Это ошибка. Королевские оруженосцы должны отбросить личные амбиции, чтобы полностью посвятить себя служению Нам.

Как всегда, выбор слов Нетленного был тщательно обдуман. Во время безжалостной гонки в борьбе за «Глоток Короля» Эленаис обвинила меня в том, что я – дочь всего лишь баннерета, а не барона. Теперь, когда я стала оруженосцем, суверен подтвердил мой титул баронессы. Он только что напомнил моей сопернице, что в дворянской иерархии я находилась выше Плюминьи, чье благородство было куплено недавно.

– Докажите, что можете работать сообща! – безапелляционным тоном заявил монарх, возвышаясь над придворными на целую голову. – Втроем вы отправитесь в Париж. Каждому выдадут пропуск. Приказываем найти Двор Чудес и доставить его Даму сюда, в Версаль. Мы узнаем от нее лично секрет послушания упырей. Наша армия станет мощнее, когда в ней будет ночная мерзость, управляемая по нашему желанию. И тогда Мы, Король Тьмы, обретем полную власть, повелевая не только вампирами, но и упырями. Всей нечистью! Мы покажем Франции, Европе и всему миру, что никакая луна никогда не затмит Наше бессмертное сияние!

Он сжал письмо в кулаке, а когда разжал унизанные кольцами пальцы, на ладони лежали жалкие бумажные обрывки.

Голос монарха звучал страшнее, чем угрожающий вид кулака:

– Ночью вспыхнут лучи возмездия. Сподвижники Ронсьера достаточно пользовались гостеприимством Наших тюрем. После заката на главной виселице столицы состоится их казнь. Она послужит предупреждением для тех, кто осмелился бросить Нам вызов. Сегодня в виде исключения жители Парижа освобождаются от комендантского часа, чтобы присутствовать при казни. Пусть этот пример станет уроком для всех! Монфокон, договоритесь о деталях с вашим братом, Главным Палачом.

При упоминании о зловещей парижской виселице, возведенной его предками, широкое лицо Главного Конюшего нервно передернулось. Я же впервые услышала о старшем брате Монфокона.

Король развернулся. Словно по волшебству перед ним распахнулись двери из эбенового дерева, которые вели в черную от пола до потолка усыпальницу, ту самую, где он трансмутировался три века назад.

Каждый раз, когда открывался вход в гробницу, у меня кружилась голова и звенело в ушах. В этом месте время таинственным образом замерло, о чем свидетельствовали неподвижные стрелки на циферблатах часов. Черная дыра с жадностью поглощала звуки и искажала перспективы.

В центре зловещих покоев Нетленного возвышался монументальный саркофаг, источавший Тьму. Тяжелая крышка весом в тонну, движимая лишь всемогущей волей Короля, неслышно соскользнула. Повернувшись спиной к придворным, монарх медленно перешагнул через толстый бортик и лег на каменное ложе. Мраморная крышка гроба закрылась. Створки двери из эбенового дерева герметично замуровались.

3. Встреча после разлуки

– ТОРОПИТЕСЬ! – ПРОРЫЧАЛ МОНФОКОН. – Стена Облавы скоро закроется!

Широкими шагами он пересек Почетный Двор. На ледяном ветру полы его длинного кожаного плаща звонко хлопали, локоны парика мягко развевались по плечам.

Сурадж, Эленаис и я шли следом. Было решено провести день в «Гранд Экюри», чтобы как следует подготовиться к миссии в Париже.

Мы спешили к гигантской стене, опоясывающей дворец и его сады: необходимо было пройти сквозь нее до того, как единственный вход закроется на следующие двенадцать часов.

Стена Облавы – грозное оборонительное сооружение, предназначенное для защиты замка от любых вторжений в дневное время.

– Где ваши крепкие мышцы? – мрачно бросил нам Главный Конюший.

Мы пробежали несколько метров по узкому проходу туннеля, на стенах которого горели факелы. Не успели ступить на Оружейную площадь, как сейсмический толчок с противоположной стороны сотряс мостовую: колесный механизм, приводимый в действие той же гидравлической сетью, что питала фонтаны Версаля, начал вращение. Позади нас, скользя по рельсам, приближались друг к другу огромные куски скалы.

Каждый раз, когда Стена Облавы приходила в движение, мне казалось, что украшавшие ее титанические статуи вампиров на охоте оживали на глазах. Красноватый отблеск рассвета высвечивал леденящие душу детали: жадно торчавшие клыки, острые когти, безумные глаза.

Но самым страшным зрелищем среди каменных чудовищ вот уже месяц была человеческая фигурка, насаженная на кол: останки Тристана де Ля Ронсьера, наполовину растерзанные вороньем. Все, что осталось от юноши, который разбил мне сердце, прежде чем я отсекла ему голову. Тот, кто мечтал занять место Короля Тьмы, а меня сделать женой, теперь кормил стервятников…

– Быстрее! – рявкнул Монфокон.

Отвернувшись от стены и тысяч бессмертных придворных, лежавших в гробах дворца в этот час, он повел нас к воротам «Гранд Экюри», расположенным на другом конце Оружейной площади.

Странное ощущение испытала я, впервые ступив на школьный двор с тех пор, как покинула его в октябре. Это случилось всего четыре недели назад, а казалось, что прошли годы… Через высокие окна второго этажа, освещенные люстрами, двигались силуэты пансионеров за завтраком: юношей в правом крыле и девушек в левом.

– Джайпур и Плюминьи: вы можете присоединиться к бывшим товарищам в рефектуаре, – приказал Монфокон. – Я отведу Гастефриш в тихую комнату на верхнем этаже. Ее ночь прервал убийца, ей нужно отдохнуть и набраться сил перед тем, как вечером отправиться в Париж. В полдень встречаемся в кабинете кобылиц, чтобы обсудить план предстоящей операции.

Оставив Эленаис и Сураджа, мы поднялись по главной лестнице школы. Однако вместо того, чтобы отправиться на чердак, Монфокон свернул в кулуар, который вел в его кабинет, после чего плотно закрыл за нами дверь.

Столько вопросов накопилось у меня с нашей последней встречи. Мне хотелось обо всем расспросить директора школы. Но он приложил огромный указательный палец с металлическими кольцами к губам:

– Ш-ш-ш. Не здесь.

Главный Конюший направился к книжному шкафу в глубине комнаты. На полках теснились старые трактаты о верховой езде, банки с формалином, где мариновались лапы упырей, отрубленные самим директором. В жилах Монфокона текла кровь старинного рода палачей.

Чтобы утолить зов крови, он предавался ночной охоте на кладбищах Версаля. Упыри были его главной добычей. Рассматривая обрубки конечностей, я дорисовывала в воображении существ из самых страшных кошмаров…

Хозяин кабинета подошел к тяжелому сосуду, в котором плавала с длинными, желтыми когтями четырехпалая рука, в четыре раза превышавшая по размерам мою. Рядом расположились аккуратные томики, переплетенные потрескавшейся кожей.

Монфокон дотронулся до самой массивной книги *«Ночные мерзости и охота Тьмы»*. Однако не для того, чтобы взять ее с полки… Раздался щелчок рычага. Книга повернулась. Ничем не примечательная дверь шкафа со скрипом отворилась, открывая проход в подвалы «Гранд Экюри». Монфокон зажег фонарь и плотно закрыл за нами дверь.

– Совсем как в моей комнате в замке… – прошептала я, спускаясь по неровным ступеням лестницы. – Такое впечатление, что Версаль наполнен тайными ходами!

– Верно. А у стен есть уши. Но в недрах школы мы можем говорить без страха.

После продолжительного спуска мы наконец добрались до тайного логова Монфокона – камеры пыток, где он обычно разделывал свои макабрические[13] охотничьи трофеи.

Главный Конюший опустился на стул возле стены, увешанной пилами и плоскогубцами. Я села напротив.

– В прошлый раз мне пришлось привязать тебя к пыточному станку, чтобы заставить говорить. – Он кивнул на деревянный стол с жуткими рычагами. – Но сегодня мы в кругу друзей, поэтому расскажи мне все, что знаешь.

* * *

– Ты полна сюрпризов, Жанна Фруаделак, – пробормотал Монфокон, когда я закончила рассказ.

Кончиками шишковатых пальцев он провел по своей козлиной бородке. Главный Конюший – грубиян, живший во власти кровожадных импульсов, и самый неприветливый человек, которого я встречала, но слова его согрели сердце. Мое настоящее имя, произнесенное с определенной долей восхищения, напомнило, кто я и какую задачу преследовала. Служить Фронде во имя Бастьяна, мамы и всех родных: вот цель моего существования!

– У тебя потрясающий инстинкт выживания. – Его глаза светились сквозь локоны парика, словно угли. – А также впечатляющая способность сеять смерть.

– Это была самооборона! – возмутилась я. – Либо я, либо гвардеец. Убийство угнетает меня, поверьте, даже если враг – беспощадный слуга вампиров, на счету которого десятки жертв.

– И все же ты ловко убиваешь! – возразил Монфокон.

Я заерзала на стуле, чувствуя себя не в своей тарелке. Запах селитры, пропитавший сырые стены, внезапно стал противно-удушливым. Могильная атмосфера камеры пыток удручала не так сильно, как осознание правдивости слов Монфокона: смерть действительно постоянно кружилась вокруг меня…

– Давайте не будем меняться ролями, – резко бросила я. – Это вы – потомок династии палачей, а не я!

– Я давно отошел от дел своих предков, чтобы посвятить себя народной Фронде.

– Король поручил вам подвергнуть пыткам сообщников де Ля Ронсьера.

– К твоему сведению, я не тронул ни одного волоса на их головах. Мелак и его агенты заставили говорить заключенных в версальской тюрьме, где никто не мог слышать мольбы о пощаде.

---

[13] *Макабрический* – macabre (*фр.*) – погребальный, мрачный.

Несколько мгновений я размышляла над его словами, сидя в чреве этого склепа, где Монфокон, по его словам, практиковал таланты палача только на упырях и прочей нечисти. Какие нечеловеческие вопли рвались отсюда, вдали от поверхности земли?

– Возможно, вы отказались участвовать в пытках собратьев, – согласилась я, – однако ведь вы никогда и ничего не рассказывали о своем брате, который, судя по всему, все еще управляет виселицей ваших предков.

Главный Конюший нахмурился.

– Рауль… – проворчал он едва слышно. – Старший брат приводит меня в ужас. Он олицетворяет все то, от чего я навсегда отрекся.

Монфокон прохрипел, словно раненая лошадь, которая пыталась отогнать назойливую муху.

– Давай не будем о нем. С тех пор как брата назначили Главным Палачом Нетленного, он опустился на самое дно Тьмы, гнусное… недосягаемое для искупления. Сосредоточимся лучше на миссии, которую поручили тебе. Поговорим о правительнице нового Двора Чудес.

Я вытаращила глаза:

– *Нового* Двора Чудес? То есть, маркиз де Мелак был прав и в прошлом существовал другой?

Монфокон кивнул:

– Давным-давно Двор Чудес был тайным местом, где встречались самые отъявленные бандиты Парижа. Торговля ядами, заказные убийства, колдовство и человеческие жертвоприношения: здесь происходили самые одиозные сделки. В первом столетии своего правления после трансмутации Король Тьмы обнес столицу стеной. Он объявил беспощадную войну преступному миру, чтобы искоренить его и чтобы никто не мог избежать наказания Магны Вампирии. Старый Двор Чудес был уничтожен, а все его члены истреблены.

– По тому, как вы описываете это злачное место, непонятно, что в нем было «чудесного».

– Только там искалеченные нищие и попрошайки после рабочего дня на улицах Парижа «чудом» излечивались: хромые, как по-волшебству, обретали способность ходить, а слепые – видеть…

На скульптурном лице мужчины появилась ледяная улыбка.

– Признайся, лжебаронесса, была бы ты в своей стихии среди этого сброда?

Едкий укол наставника болезненно задел. Хорошо зная резкий характер директора, мне все же было трудно привыкнуть к нему.

– Вам прекрасно известно, что я играю эту роль только для того, чтобы служить народной Фронде, служить вам! Вот уже месяц, как я торчу в Версале в ожидании указания. Как результат именно мне Нетленный поручил разыскать эту Даму Чудес и доставить ее к нему во дворец!

Монфокон не смутился. Он все так же продолжал недобро улыбаться, поглаживая лохматую козлиную бородку.

– И это то, что ты сделаешь: выследишь ее с помощью присущего тебе острого инстинкта охотницы. Но не для того, чтобы отдать в руки Короля. Нет. Чтобы вонзить кол в ее сердце и заставить навсегда замолчать!

В этот момент позади раздался скрип ржавых петель. Тяжелая шипованная дверь отворилась, впустив запах опавшей листвы. Я резко повернулась: на пороге топтались мягкие кожаные туфли.

– Орфео… – позвал Монфокон. – Входи же. Полагаю, во время последней встречи с Жанной вы расстались не лучшим образом.

В комнату вошло самое странное существо, которое я когда-либо встречала в жизни. И самое трогательное. Под залатанной туникой с капюшоном скрывалось мощное тело, сшитое из человеческих фрагментов: темные швы обхватывали запястья и основание шеи. Голова, пересаженная на чужую плоть, имела полупрозрачный зеленый оттенок, скорее странный, чем

отталкивающий. Словно в селадоновую[14] кожу вставили два нефритовых глаза. В углу правого века чернела вытатуированная слеза: отличительный знак неаполитанских бандитов. Меланхоличное и странно трогательное лицо когда-то принадлежало безымянному юному преступнику. Циничные алхимики выкрали труп из братской могилы, создали, а после выбросили эту мерзость, которую Монфокон взял под опеку и назвал Орфео.

– Прости, – пробормотала я, охваченная чувством вины, старательно подбирая слова.

Главный Конюший был прав: при нашей последней встрече я обошлась с Орфео, как с диким зверем, обманув его доверие, чтобы запереть в камере пыток и сбежать. Но он отнюдь не безмозглое животное. Его водянистый, разумный взгляд осмысленно смотрел на меня.

– Я… я испугалась.

Орфео издал низкое, серьезное рычание. И очень грустное. Алхимики, давшие нечисти жизнь, не посчитали нужным пришить ему язык. Однако и без слов, по тону голоса я поняла всю невыразимую печаль его жалобы.

– Нет, испугалась *не тебя*! – поспешно добавила я, внезапно осознав обидный смысл своих слов. – Та ситуация повергла меня в панику. Мне во что бы то ни стало нужно было попасть в замок, чтобы выиграть «Глоток Короля».

Монфокон отмахнулся от объяснений:

– Хватит малодушно врать! К тому же это опасно для Орфео. Конечно, ты испугалась его, чудовища. Он никогда не должен забывать об этом и покидать пределы подвала.

– Уверяю вас, что…

– Замолчи! Не вбивай в его затуманенную голову безумные идеи! Если бы он показался людям, то посеял бы ужас среди населения, а гематический Факультет незамедлительно отправил бы его на костер. Так они поступают со всей нечистью!

Орфео склонил голову, отводя взгляд от человека, который одновременно был его спасителем и тюремщиком. Но кто он, этот отшельник, для Монфокона? Приемный сын? Или охотничья собака, сопровождающая его в ночных прогулках по кладбищам? В каком-то смысле они даже похожи: один стыдится своего происхождения, другой – того, кто он есть.

– Сделай нам чай, чтобы мы могли согреться, и нарежь хлеб, – приказал Монфокон.

Отшельник беззвучно, словно тень, растаял в воздухе.

– На чем мы остановились? – продолжил хозяин камеры пыток. – Ах да! Дама Чудес. Я не знаю эту вампиршу-ренегату, именующую себя Экатой. О незаконно трансмутированных бессмертных нам ничего не известно. Факультет неустанно выслеживает их, чтобы уничтожить, потому что любая несанкционированная трансмутация считается преступлением против монархии. Нескольким незаконно трансмутированным, более хитрым или злобным, чем остальные, удалось проскользнуть сквозь расставленные сети. Но они живут как изгои. Прячутся в злачных местах и питаются бродягами.

Главный Конюший покрутил кольца на пальцах, словно помогая себе сосредоточиться.

– Насколько знаю, Дама Чудес – первая из незаконных, кто вышел из тени и открыто бросил вызов Нетленному. Должно быть, она уверена в своей силе, раз смело просит отдать ей Париж.

– И назначить вице-королевой, – добавила я. – Почему, собственно, это так шокирует? Ведь другие вице-суверены правят от имени Нетленного на иноземных тронах?

– Вот именно: на иноземных! А здесь речь идет о столице королевства Франции и всей Магны Вампирии, которую Дама намерена вывести из-под прямого контроля Короля! Терпеть подобную власть всего в нескольких шагах от Версаля? Это оскорбительный сигнал для всего мира, свидетельство слабости Короля. Тем более в последнее время другие вице-королевства проявляют мятежные настроения. Например, Англия.

---

[14] *Селадон* – светло-зеленый цвет с оттенками серого.

Я знала, что дипломатические отношения между Францией и ее вассалом Англией весьма напряжены. По ту сторону Ла-Манша шептались, что вице-королева Анна вынашивает военные планы. Могущество Магны Вампирии, кажется, еще никогда не было настолько шатким.

– Предоставление Парижу статуса вице-королевства стало бы для Нетленного безвозвратным шагом к чистой и простой сецессии города, – объяснял Монфокон. – А также означало бы, что кровь парижан отныне навсегда недоступна Королю и его Двору. Нет, он никогда не пойдет на уступки, тем более сформулированные в подобном унизительном тоне.

Главный Конюший размышлял вслух, поглаживая кончиками пальцев всклокоченную козлиную бородку:

– Кто эта Дама Чудес? Каковы ее истинные алхимические способности? Действительно ли она повелевает упырями, как утверждает? Есть ли у нее секрет, как поработить неуправляемых монстров? И если есть, Людовик никогда не должен узнать его! *Никогда!* Слышишь?

Монфокон посмотрел мне прямо в глаза, будто желал запечатлеть свои слова в глубинах моей души.

– Монарх называет себя Королем Тьмы, однако сам он больше продукт Тьмы, чем ее правитель. Природа мистической энергии не разгадана, несмотря на упорные усилия Факультета. Ночные мерзости – тоже дети Тьмы, их тайна ускользает от нас. О, если бы он смог обрести над ними контроль! Сила его поистине стала бы абсолютной. И тогда Фронде, какой бы решительной и организованной она ни была, ни за что не разрушить Магну Вампирию!

Директор схватил меня за запястье и произнес, чеканя каждое слово:

– Ты *должна* найти Даму Чудес до того, как это сделают королевские войска, Жанна. Ты *должна* уничтожить ее, прежде чем она откроет Нетленному дьявольский секрет порабощения упырей. Будущее Фронды под угрозой! Тебе нужно действовать очень тонко. Вести игру за спинами своих товарищей Джайпура и Плюминьи, потому что у них совершенно иные цели.

Монфокон отпустил мою руку и добавил:

– Ты справишься с двойной игрой. Знаю: ты в этом эксперт.

У комплимента горькое послевкусие, напомнившее мне о том, сколько раз пришлось лгать и предавать, чтобы добиться сегодняшнего положения. Но такова цена за участие в деле, в которое верили мои родители и в которое верю я.

– Сделаю все возможное, обещаю.

– Нет, Жанна. *«Все возможное»* недостаточно. Знаю, что задача сложная, но ты справишься. Должна.

В хрипловатом голосе Монфокона послышалась дрожь, которую я никогда раньше не замечала. Его глаза озарились неожиданным для грубого солдафона нежным чувством.

– Нетленный задумал отправить тебя одну в Париж, – напомнил он. – Тиран обладает злой мудростью, отточенной веками: он никогда не принимает решения спонтанно. Суверен действительно верит, что ты обладаешь силой, способной перехитрить Даму. А я верю, что ты обладаешь силой, чтобы уничтожить ее. – Его губы тронула слабая улыбка, еще более ценная из-за своей редкости. – Я… я не могу объяснить. С твоим появлением Фронда обрела новую надежду. Ты – как луч солнца во Тьме. Наблюдая за тобой, могу сказать, что твои родители, хотя я не знал их лично, были душевными людьми. У меня нет детей, но если бы судьба подарила дочь, хотел бы, чтобы она была похожа на тебя.

Признание застало меня врасплох и тронуло до глубины души. К горлу подступил ком. Я смогла произнести только сиплое «спасибо».

Монфокон снял с пальца одно из своих многочисленных колец: то, что было на мизинце правой руки. Железное, инкрустированное большим, круглым, черным камнем.

– Самая моя значимая вещь, – прошептал он. – В углублении оникса несколько капель Эссенции Дневного Света, тайно дистиллированной в алхимической лаборатории Фронды в Андалузии.

– Эссенция Дневного Света… – повторила я.

И снова волнение охватило сердце: в подпольной лаборатории аптеки мои родители тоже проводили алхимические эксперименты для Фронды. Я никогда не знала точного характера их работы. Мне нравилось думать, что они производили вещества с такими же поэтическими названиями.

– Эссенция Дневного Света – это квинтэссенция алхимии, где сконцентрировано немного солнечных лучей. Она требует чрезвычайно долгого времени для дистилляции. Даже в такой солнечной стране, как Испания, чтобы синтезировать одну каплю, нужен целый год! Как ты можешь догадаться, гематический Факультет ее запретил. Простое обладание Эссенцией уже является синонимом смертного приговора. Поэтому тщательно скрывай тайну драгоценности во время миссии, вплоть до момента ее использования.

Я рассматривала кольцо на ладони Монфокона. Неужели в этом камне, черном как ночь, находится несколько капель Дневного Света?..

– Когда доберешься до Двора Чудес, все, что нужно сделать, это повернуть оникс в шатоне[15]. Три раза влево и три раза вправо. Механизм откроет потайной отсек, в котором хранится Эссенция. Выпустив краткий, но ослепительный поток света, она немедленно испарится.

– Этого достаточно, чтобы убить такого сильного и бесстрашного вампира, как Дама Чудес?

– Нет. Однако достаточно, чтобы дезориентировать ее на несколько секунд, а также отпугнуть упырей, которые больше всего на свете ненавидят свет. Эти мгновения позволят тебе нанести смертельный удар по повелительнице. Для этой цели я снабжу тебя колом из лучшей древесины. И ты отправишь незаконно трансмутированную обратно в небытие, из которого она никогда не должна была появляться.

Главный Конюший вложил драгоценное кольцо в мою руку. Оно был выковано для его мизинца. Мне пришлось надеть его на средний палец, чтобы оно плотно село. Кольцо заняло место рядом с перстнем с семейным гербом Гастефриш, который я сняла с руки настоящей баронессы, прежде чем отправиться в Версаль под ее именем.

– И помни, Жанна: использовать этот козырь можно только в крайнем случае и только один раз. Не забудь плотно закрыть глаза при отвинчивании оникса, чтобы не ослепнуть самой.

За нашими спинами вновь скрипнула дверь: Орфео вернулся, положив конец разговору.

– Оставь еду там, на станке, – приказал Главный Конюший, вытирая влажные от эмоций глаза.

– Скажите этой твари, чтобы она отпустила меня! – неожиданно раздался чистый голос.

Монфокон, как и я, вскочил на ноги, словно ужаленный: вместо чая и хлеба Орфео крепко держал молодую девушку с фарфоровым лицом, чьи черные волосы были убраны в аккуратный пучок.

– Наоко! – задохнулась я. – Что ты здесь делаешь?

Дочь дневного посла Японии Наоко Такагари была моей близкой подругой в «Гранд Экюри». Она – единственная из воспитанниц, знавшая мое настоящее имя.

– За завтраком я увидела тебя на рассвете через окно рефектуара, – сказала она, опасливо косясь на Орфео из-под густой челки. – Спустилась по парадной лестнице, чтобы встретиться с тобой, и столкнулась с Эленаис. Та рассказала, что ты стала жертвой нападения и находишься при смерти.

– Пусть и не мечтает! – воскликнула я, чувствуя, как краска гнева прилила к щекам.

---

[15] *Шатон* – оправа драгоценного камня.

– Я появилась в кулуаре как раз в тот момент, когда ты спешила в кабинет Главного Конюшего, – продолжила Наоко. – Я подглядела за вами через замочную скважину и увидела, как директор потащил тебя вниз по тайному ходу.

Девушка подняла руку к золотым шпилькам в пучке.

– Я… я вскрыла замок, чтобы добраться до тебя.

Монфокон угрожающе шагнул вперед. Макушка его парика проскрипела по потолку, затянутому паутиной.

– И что, по-твоему, я собирался сделать, Такагари? – с бешенством прорычал он. – Расчленить твою подругу?

Вместо ответа Наоко бросила красноречивый взгляд на мрачный верстак, где выстроились инструменты для пыток: зловещая репутация директора школы была хорошо всем известна. Тот редкий момент, когда Главный Конюший снял броню и открыл передо мной душу, прошел как ни бывало. Он вновь стал жестким, бескомпромиссным палачом, каким его сделала жизнь.

– За любопытство придется заплатить: отсюда ты больше никогда не выйдешь. Эта комната станет твоей могилой. Орфео, положи ее на станок!

Монфокон повернулся, чтобы взять топор.

– Нет! – воскликнула я, вцепившись в рукав плаща директора.

– Не волнуйся, твоя подруга не будет страдать. Один умелый удар, и я безболезненно переломлю ее изящную шею.

– Вы клялись, что отказались от пыток!

– Это не пытка! Это казнь!

Мужчина положил огромную левую руку на мое плечо, удерживая меня на расстоянии, а правой рукой взял топор.

– Эта маленькая искательница приключений подслушала наш разговор, – процедил он сквозь зубы. – Я не позволю ей сболтнуть лишнего. Тайна Фронды прощает любые жертвы.

– Клянусь: Наоко можно доверять! – надрывалась я. – Если вы действительно считаете меня своей дочерью, то послушайте!

– Сентиментальность сбивает тебя с пути. Но ты еще юна и не понимаешь. Что ж, поймешь позже. Убийство Такагари – единственно правильное решение. Живо, Орфео! На станок!

Сколько бы я ни умоляла, ничего не помогало. В свете фонаря лицо Главного Конюшего преобразилось, исказившись в гримасе жестокости. Будто проклятая кровь династии палачей де Монфоконов прилила ему в голову, сметая угрызения совести и способность слушать.

Далекий от жестокости своего хозяина, Орфео тихонько подтолкнул Наоко вперед и деликатно прижал ее щеку к станку. Однако за видимой мягкостью жестов в его руках чувствовались сила и мощь.

– Наоко известно, кто я, но она не выдала меня! Это доказывает то, что ей можно доверять!

– Это доказывает то, что ты чертовски безрассудна, позволяя подруге слоняться по школе с информацией, которая может уничтожить тебя и меня! – прорычал Монфокон, занося топор.

Опьяненная страхом, я прибегла к последнему средству:

– Распустите ее пучок, чтобы лезвие не скользнуло по волосам!

Безумные глаза Монфокона сверкнули ярче… острее.

– Ах, хорошо! Ты быстро учишься! – обрадовался он. – Слышал, Орфео? Распусти пучок.

Наоко страдальчески вскрикнула. Распущенные волосы для нее хуже смерти:

– Нет, только не волосы!

Но с Орфеем ей не справиться. Одним движением он вынул из пучка красную лакированную шпильку. Длинные черные волосы шелковым каскадом рассыпались по обе стороны станка пыток.

Топор Монфокона завис в воздухе.

– Что за чертовщина… – отшатнулся он, вытаращив круглые, как блюдца, глаза.

Кровожадный блеск, плясавший секундой ранее в его глазах, сменился шоком, тем же чувством, которое испытала я, впервые увидев затылок Наоко.

Там, за пучком, девушка скрывала страшную тайну: второй чудовищный рот, простиравшийся от одного виска до другого. Плотоядный *мальбуш*, жаждавший свежей плоти, чьи огромные губы, казалось, улыбнулись Главному Конюшему.

– Вот, теперь и вы знаете секрет Наоко! – поспешно заявила я. – Внутри нее живет мерзость, которая подпишет ей немедленный смертный приговор, если об этом станет известно. Не вы ли мне говорили, что гематический Факультет отправляет нечисть на кол? – Я с трудом сглотнула, чувствуя вину за то, что пришлось выдать тайну подруги, хотя и ради спасения ее жизни. – Жизнь Наоко теперь в ваших руках. Если ей вздумается рассказать что-нибудь из подслушанного разговора, одного только вашего слова будет достаточно, чтобы обречь ее на гибель. Вы квиты.

4. Проклятие

– У МЕНЯ НЕ БЫЛО ВЫБОРА! – объясняла я Наоко, – это был единственный способ остановить Монфокона и его топор.

После долгих уговоров директор школы согласился оставить подругу в живых, но с одним условием: молодая японка отныне должна жить в заточении в недрах «Гранд Экюри». По крайней мере, до тех пор, пока Главный Конюший не поймет, что ей можно доверять. Только после этого девушке разрешат вновь посещать школу.

Директор отправился в птичий вольер, чтобы через почтового ворона сообщить брату Раулю о вечерней казне.

Мы с Наоко сидели на ржавой железной кровати в крошечной келье по соседству с камерой пыток. Отныне это дом Наоко.

– Уж лучше бы этот топор сделал свое дело, – бормотала она. – Рот мальбуша закрылся бы раз и навсегда, положив конец моему проклятию…

Глаза подруги закрывала густая челка. Девушка поспешила снова убрать копну своих черных волос в аккуратный пучок.

– Не говори так! – воскликнула я. – Тебе все-таки удалось прожить семнадцать лет с этой… этой аномалией.

Наоко подняла темные глаза:

– И сколько лет мне еще отпущено? Тогда, во дворце, на церемонии «Глотка Короля» я почувствовала повышенную активность мальбуша, его чрезмерное оживление. Как будто аура придворных вампиров разбудила его, разожгла волчий голод, сведя на нет все мои усилия, все медитативные упражнения, которые я проделывала с детства каждую ночь, чтобы усыпить его.

Она крепко сжала дрожавшие руки на бежевой шелковой юбке, расписанной экзотическими цветами. Перспектива рано или поздно оказаться в числе придворных пугала Наоко. И тому была причина: концентрация Тьмы, похоже, возбуждающе действовала на ее странную, дьявольскую опухоль.

– Послушай. – Я накрыла ее руки своими. – Сегодняшнее злоключение, возможно, хороший шанс. Оставшись в школе, тебе бы пришлось летом в конце учебного года вместе с остальными выпускниками предстать перед Двором. Теперь же ты избавлена от этого. Монфокон найдет способ объяснить твое исчезновение отцу. Несчастный случай или побег… Может, он даже притворится, что тебя забрали упыри, я не знаю. Но уверена: впереди новая жизнь.

Было что-то абсурдное в том, чтобы мечтать о *новой жизни* в этом узком подземелье с недостатком свежего воздуха. Однако губы Наоко с тонким слоем кармина тронула легкая улыбка.

– Ты так думаешь? – прошептала она.

– Уверена в этом!

Моя подруга – самый одинокий человек, которого я знала. Она долго скрывала от всех свою тайну, разъедавшую ее изнутри. Мать девушки умерла при родах. Отец стал чужим. Кроме меня, у нее не было друзей. Конечно, Наоко, будучи отрезанной от внешнего мира, все выдержит, ведь она уже давно жила в другом измерении.

– Обещаю приходить к тебе каждый день.

– Ты скоро уедешь. Не обещай ничего. В прошлом ты давала обещания, которые не смогла выполнить. Даже о том, что никому не расскажешь про мальбуша.

– Наоко, я это сделала ради спасения твоей жизни…

Мне стало стыдно за то, что пришлось так много лгать ей и другим, кого называла *друзьями*. Но в голосе подруги не было упреков:

– Я не прошу приходить каждый день. Вспомни обо мне, когда миссия закончится… – ее бледные веки дрогнули, как крылья бабочки… – и о Туанетте, о смерти которой ты мне рассказала.

Самоотречение Наоко тронуло меня до глубины души. Ее жизнь только что перевернулась с ног на голову, а она говорила о мертвой служанке, о которой, скорее всего, никто не вспомнит в школе.

– Туанетта не забывала приберечь для меня тарелку с овощами. Добрая душа была внимательна, не зная, что вегетарианская диета – часть моей борьбы с мальбушем. Умереть такой молодой. Как это несправедливо!

– Она будет отомщена! – воскликнула я.

Наоко вздохнула:

– *Месть*. Ты вбила эту мысль в свою прекрасную деревянную башку, милая Жанна. Ты упряма и одержима. Но разве это самое важное? Разве это то, чего хотела бы сама Туанетта?

На мгновение я потеряла дар речи. Слова Наоко напомнили мне ту, какой я была, когда потеряла семью: ослепленной местью, не видевшей смысла в этом мире без родных. С тех пор я повзрослела, и мое понимание мира расширилось. Больше не было и речи о личной мести, какой бы ни была цена.

Дань уважения мертвым всегда будет важна для меня. Но я поняла: самое ценное и в то же время самое хрупкое – это судьба тех, кто жив… и страдает. Сейчас мной двигало желание подхватить факел борьбы родителей, чтобы продолжить битву за жизнь миллионов безвестных жертв, которых Магна Вампирия ежедневно давила красным вампирским каблуком. Не упиваясь своим несчастьем, я стремилась всем сердцем к построению лучшего мира. Я прогнала старых демонов прочь.

После мерзлой зимы придет черед теплой весны. Изгнав Тьму, Свет вновь воцарится на Земле. Таков отныне мой идеал.

Удивительное, освобождающее душу чувство, противоположное мстительным эмоциям, так часто кипевшим во мне, охватило сердце: спокойная, умиротворяющая решимость служить другим.

– Ты права, Наоко, это не то, чего хотела бы Туанетта. Ее родители до сих пор живы. Трудно представить их безутешное горе, когда на окраине Версаля в полуразвалившейся лачуге они оплакивают своего сына, ушедшего вслед за дочерью. Лучшая дань памяти девушки – это помощь ее родителям. Я попрошу Монфокона каждый месяц тайно перечислять им часть моего жалованья оруженосца.

– Прекрасные слова, – согласилась Наоко. – Кто бы мог подумать, что вспыльчивая Жанна Фруаделак однажды произнесет такую разумную речь?

– Все может случиться, Наоко, и даже деревянная башка однажды может поумнеть.

Я постучала кулаком по своему черепу, подражая глухому звуку твердой древесины. Наоко посмеялась над моим шутовством. У подруги ценный дар пробуждать во мне самое мудрое и лучшее. Она бросила взгляд на маленькие часы, висевшие над кроватью, – единственную вещь, которая позволит ей следить за временем в затворничестве. Две стрелки почти соединились вертикально.

– Скоро полдень. Тебе нужно на встречу с директором и оруженосцами, как вы и договаривались. – Она подбодрила меня взглядом: – Иди. И остерегайся Эленаис. В школе она была простой змеей, но кровь Нетленного превратила ее в ядовитую кобру.

Я в последний раз обняла Наоко, затем трижды постучала в толстую дверь кельи. Панель открыл немой охранник, которого Монфокон приставил к подруге: Орфео с фонарем в руке. Он закрыл дверь и молча проводил меня по лестнице, спиралью уходившей вверх. На пло-

щадке перед входом в «Гранд Экюри» я повернулась, чтобы заглянуть в его размытые радужки нефритовых глаз.

– Хотя Главный Конюший обходится с тобой как с бесчеловечным монстром, в глубине души я уверена: он так не думает. И я тоже.

Длинные черные ресницы Орфео затрепетали. Слеза, вытатуированная под правым глазом, слегка сморщилась. Он отвернулся, застенчиво пряча лицо. Я мягко погладила его по щеке. Кожа отшельника была ледяной, как могила, но я не отняла руки. Через несколько мгновений под подушечками пальцев ощутила пульс. В отличие от вампиров, у которых в груди пустота, внутри мощного тела Орфео билось живое сердце.

– Ты бережно похоронил моих близких. Я перед тобой в вечной признательности.

Несколько недель назад Орфео снял со стены Облавы отсеченные головы моей семьи, насаженные на кол по приказу Короля. Отшельник нашел для них тайную могилу в известном только ему месте, которое прожорливым упырям никогда не найти. Монфокон утверждал, что его протеже, слыша печальные песни костей умерших, играл им на губной гармошке, чтобы успокоить…

– Ты позаботился о тех, кто был мне дороже всех, – взволнованно прошептала я, – подарил им вечный покой. Теперь моя очередь отблагодарить тебя.

Я достала из кармана мамины часы и протянула ему.

– Возьми. Они сломаны, но для меня бесценны, потому что принадлежали моей матери. Отныне это сокровище будет твоим.

Я положила круглый кулон в его широкую ладонь и осторожно закрыла ее своими пальцами.

– Прощай, Орфео.

Я лишилась самого ценного, но была вознаграждена неожиданным подарком – бледной улыбкой, впервые тронувшей бескровные губы отшельника.

* * *

– Итак, Гастефриш, вы опоздали! – воскликнул Раймон де Монфокон, когда я вошла в кабинет кобылиц. – Разве на уроках куртуазного искусства генерал Барвок не объяснял вам, что пунктуальность – признак хорошего тона?

Директор, Сурадж и Эленаис сидели за маленьким столиком, где слуги накрыли обед, состоявший из холодного мяса и сырых овощей.

Главный Конюший обращался со мной как с воспитанницей, а не фрондером, чтобы не вызвать подозрений у товарищей по команде. Он все так же суров, независимо от того, кого представлял: директора школы или революционера.

– Приношу свои извинения, месье.

Я прошла вдоль толстого гобелена на стене с изображением страшных вампирических кобылиц Нетленного.

– Моя сиеста продлилась немного дольше, чем ожидалось.

– Надеемся, в Париже ваш сон будет более чуток: в злачных местах тех, кто спит слишком крепко, лишают кошелька… или жизни.

В золотистых глазах Эленаис среди отблесков пылавшего камина промелькнуло отвращение. Дочь знатного вельможи де Плюминьи, главного королевского поставщика домашней птицы, испытывала панический ужас перед чернью.

– Вы хотите сказать, что мы посетим трущобы? – заволновалась она. – Разве это необходимо?

– А где вы думаете находится Двор Чудес, Плюминьи? В мягком будуаре Пале Руаяль? Между бальными залами Опера́? Вам придется проникнуть за кулисы Города Теней.

– Города Теней? – пискляво повторила богатая наследница, погрузив свой прелестный носик в тарелку с салатом, чтобы не встречаться с потемневшим взором Главного Конюшего.

Монфокон потряс головой, проворчав в свою бородку:

– Это прозвище столицы. Будучи Людовиком XIV, Король развивал городское освещение. Париж получил известность как Город Света в Европе. Однако после трансмутации Нетленный велел убрать фонари и факелы с большинства улиц. Что толку освещать мостовые, если человеческое стадо заперто в стойлах после комендантского часа?

Монфокон легко изображал безжалостного дворянина. Ему приходилось ежедневно исполнять эту роль, живя среди придворных акул.

– Король доверил эту миссию, значит, верит, что вы сможете проникнуть в самые злачные места города, куда даже не осмеливается заглянуть ночной патруль. Знайте, что за поддержание порядка в столице отвечает полиция. В прошлом она подчинялась непосредственно Нетленному. Однако уже несколько десятилетий монарх равнодушен к повседневным делам королевства, отдавая себя эзотерическим занятиям. Он проводит бóльшую часть своих ночей в компании Экзили и архиатров, наблюдая за звездами в обсерватории. Более насущные причины, чем земные дела, влекут его к небесам… Например, невероятный проект по завоеванию дня с помощью алхимической науки, о котором тайно перешептываются в кулуарах Версаля. Эзешьель де Мелак борется за власть в Париже, чтобы упрочить свое влияние при Дворе. Скандал с письмом, обнаруженным на двери усыпальницы, – серьезный удар по его репутации; а недовольство Короля, выраженное публично сегодня утром – начало падения министра Армии. Поэтому не стоит ждать помощи от полиции в Париже. Мелак будет вставлять вам палки в колеса, мешая найти Даму Чудес раньше него.

Кончиками столовых приборов Эленаис нервно нарезала листья салата, будто препарировала их.

– Простите, месье, но как нам найти Даму Чудес без посторонней помощи в неизвестном городе?

– Почему неизвестном? Как заметил Король, Джайпур хорошо знаком со столицей. Особенно с кладбищами, потому что мы разделяем общую страсть к охоте на упырей.

Сурадж склонил голову. Под тюрбаном цвета охры его медное лицо оставалось непроницаемым. Он самый молчаливый из нас. И самый опытный. Эленаис и я – новички, но у индийца в активе год королевской службы. Из шести человек, служивших при Дворе, он – единственный, кто пережил заговор де Ля Ронсьера.

– При всем уважении, месье, не страсть побуждает меня охотиться на упырей, а чувство долга, – возразил он глубоким голосом, в котором слышался иностранный акцент. – Прошлой весной по приказу Его Величества я уничтожал тварей, нападавших на простолюдинов. Я не знал тогда, что преступница подчинила их себе.

Он сжал кулаки и сурово добавил:

– Плоть и кровь народа принадлежат Короне. Те, кто крадет их – будь то смертные, вампиры или нечисть, должны быть безжалостно наказаны!

Монфокон презрительно прочистил горло, отрезая огромный кусок кабаньего паштета.

– Не играйте в благородство, Джайпур! – фыркнул он. – *Чувство долга* — такая же пагубная страсть, как и любая другая. Скажу больше – самая опасная из всех. Опьяняющая жажда, которую маскируют под расчетливую умеренность.

Директор школы раскрыл свою широкую пасть и запихнул в нее кирпич паштета, принявшись его шумно пережевывать. Затем прополоскал глотку, опустошив бокал вина, темного, как патока.

– Участниками заговора де Ля Ронсьера тоже двигало *чувство долга*, – продолжал он, вытерев рот огромной ладонью. – Долг – изнаночная сторона извращенного представления о

чести, как и гипертрофированного чувства собственной важности. Бедные глупцы! Они стали жертвами собственной слепоты, погубив свои семьи и союзников.

С середины стола Главный Конюший пододвинул к себе тарелку с мясными закусками, одним движением вилки нанизав сразу три толстых ломтя ветчины и четыре корнишона.

– Ну, а теперь хватит болтать: ешьте! Через час нас ждет виселица Монфокона и конвой заключенных.

* * *

Похоронная процессия.

Именно это сравнение всплыло в памяти, когда я увидела длинную колонну на главной дороге, петлявшей из Версаля в Париж. Я насчитала двенадцать повозок, запряженных могучими конями – першеронами. Их копыта торжественно стучали по мерзлой земле. Цок… цок… цок… цок… Каждый удар, как механизм бесстрастных часов, приближал заключенных на один шаг к роковому исходу.

Десятки пленных набились в клетки. Еще несколько дней назад эти знатные мужчины и женщины, блиставшие в роскошных шелках, мечтали занять место Короля. Сегодня у них связаны руки. Полотнища грубых рубах развевал ледяной ноябрьский ветер. Некоторые, всхлипывая, прижимались друг к другу в поисках тепла. Другие в оцепенении, будто уже превратились в застывшие трупы, смотрели пустым взглядом на голые деревья, проплывавшие мимо.

Солдаты Мелака сопровождали колонну пленников. В первой карете ехал Министр Армии в сверхпрочном, защищенном броней гробу. До наступления ночи он не покинет своего ложа. Оруженосцы в кожаных нагрудниках на меху, верхом на конях замыкали шествие. Под своими бедрами я чувствовала мощные мышцы Тайфуна, жеребца, с которым прошла испытания по верховой езде в прошлом месяце. Я счастлива, что он со мной сейчас: прикосновение его горячего тела, точно бальзам на сердце.

Внезапно за поворотом холма я увидела город.

Париж!

Столица королевства Франция и всей Магны Вампириш!

Вокруг него возвышались крепостные стены – серые и голые, в отличие от белой, украшенной скульптурами стены Облавы. Бледное солнце садилось, вытягивая тени острых зубцов, над которыми поднимались завитки черного дыма. Тут и там открывались огромные, городские ворота, от которых в разных направлениях расходились дороги.

– Окружной бастион! – мрачно объявил Монфокон, верхом на могучем боевом коне. – Самый длинный во всей Магне Вампирии.

Живот свело при мысли о несметном количестве людей, живущих в загоне под страхом нарушения комендантского часа. Мы добрались до мутной реки, которую пересекал широкий, деревянный мост.

– Сена, – проворчал Монфокон.

– Какая темная… – прошептала я. – Будто сама Тьма влилась в эти воды.

– Это не Тьма, – возразил Главный Конюший. – Вверх по течению от Парижа Сена чиста, однако проходя через столицу, она загрязняется отходами человеческой жизнедеятельности. Сюда, под Севрский мост, стекается промышленный мусор, экскременты, древесная и угольная зола, которую приходится сжигать ежедневно, чтобы обогреть миллион простых жителей, которые никогда не пройдут за периферийное ограждение.

Миллион!

От этой безумной цифры закружилась голова. В моей родной деревушке едва ли наберется сотня душ!

Колонна въехала на мост, жалобно заскрипевший под железными ободьями колес. Через перила я увидела дрейфующие льдины в чернильной воде: суровая зима уже наступила.

– К тому же другая река, текущая из Парижа в Версаль и в богатые дома вампиров на Иль-де-Франс, не черная, а красная, – хмуро продолжал Монфокон. – Отсюда и девиз города: *Fluctuat In Sanguinis Fluminibus*[16].

Не нужно знать латынь, чтобы догадаться о значении девиза, навязанного Магной Вампирией: «столица империи качается в потоках крови»…

Наш путь продолжался на север вдоль крепостных стен до холмов, где возвышалась армия мельниц. Их крылья медленно вращались, напоминая руки изможденных гигантов, которые хотели разорвать облака.

– Днем и ночью деревушка Монмартр перемалывает пшеницу, чтобы накормить жителей столицы, – продолжал наше знакомство с городом Монфокон. – Но в последние годы мельницы замедляют ход из-за плохого урожая, вызванного холодом…

– Похоже на зерно, которое бросают домашней птице в курятниках де Плюминьи, – усмехнулась Эленаис, сидя на рыжей кобыле.

Одиозная параллель между фермами интенсивного разведения птиц, на которых семья Плюминьи сделала состояние, и простолюдинами, которых держали в загонах для получения гектолитров свежей крови, вызвала у меня бешенство!

– Когда пшеница в дефиците, куры обходятся ячменем, смешанным с щебнем, – не унималась выскочка. – А что, если подавать парижанам хлеб с гравием?

Я стиснула зубы, сдерживая колкие слова, готовые сорваться с губ. Пришлось молча терпеть болтовню Эленаис, пока мы не доехали до северо-восточной окраины столицы.

На горизонте растянулась равнина Сен-Дени, окруженная мрачным бастионом северного пригорода Парижа. Мы доехали до больших ворот досмотра, возле которых собирали налог на въезд в город: наш конечный пункт.

– Ворота Казни, – объявил Монфокон. – Ожидайте меня, пока я буду вести переговоры о въезде. Даже с королевской печатью оформление документов занимает некоторое время.

Он пустил лошадь галопом к закрытой железной решетке, у которой дежурили вооруженные алебардами стражники.

Не в силах больше выносить щебет Плюминьи, я сильнее прижала икры к бокам Тайфуна, чтобы отъехать подальше, и нечаянно очутилась возле повозок, выстроившихся в ряд одна за другой. Взгляды арестантов ужалили меня. У многих глаза опухли и покраснели от пыток в версальских застенках.

Я слышала ропот, хриплый от холода, злобы и страха:

– Это она…

– Оруженосец, спасшая Короля…

– Предательница, убившая Тристана де Ля Ронсьера…

Неожиданно чей-то плевок попал мне прямо в глаз. Ослепленная, я резко натянула поводья. Тайфун встал на дыбы, тяжело повалив меня на затвердевшую от заморозков землю.

– Думаешь, ты лучше нас? Ошибаешься! – проревел чей-то голос, наполненный ненавистью. – Спасла тирана в надежде на трансмутацию? Признавайся! Гореть тебе в аду, шлюха!

Приглушенное бормотание перешло в яростный лай. Дождь из плевков обрушился на меня, густо размазываясь по лицу и стекая клейкой слизью по волосам.

– Сука!

– Дрянь!

– Потаскуха!

---

[16] Fluctuat In Sanguinis Fluminibus (*лат.*) – перефразированный девиз Парижа – Fluctuat Nec Mergitur (*лат.*) – Его бьют волны, но он не тонет.

– Лизоблюдка мертвых!

Вокруг меня не было ни одного солдата, который мог бы вмешаться: эти люди на жалованье у Мелака, а Главный Конюший предупредил: они и пальцем не пошевелят, чтобы помочь нам.

– Довольно! – раздался женский голос, властный тон которого заставил стихнуть крики толпы.

Вытерев лоб рукавом, я подняла глаза. Передо мной стояла высокая женщина с длинными, светлыми волосами, развевавшимися на ветру. Ее руки тоже были связаны за спиной, как у других арестантов, но эта поза не умаляла величия незнакомки. Напротив, женщина выглядела победоносно, как безрукая сирена, украсившая нос самого гордого галеона.

– Оставьте ее, – приказала она своим товарищам по несчастью. – Перестаньте вести себя как негодяи. Не забывайте, что вы – лучшие представители провинциального дворянства. Несмотря на все оскорбления, нанесенные нам, Нетленный не сможет отнять у нас титул.

Я поднялась на ноги посреди тишины, не зная, что сказать этой пленнице, чью судьбу я предрешила, спасая Короля.

– Спасибо, Мадам…

– …Бланш де Ля Ронсьер, – закончила она.

Я съежилась.

Эти пепельно-русые волосы…

Эти бездонные голубые глаза…

И прежде всего это надменное выражение лица, одновременно решительное и меланхоличное…

Эта женщина – портрет Тристана, моей самой пылкой любви и самой трагической ошибки.

Передо мной возвышалась его мать!

– Я… я сожалею… – Слова сами собой сорвались с моих уст.

– О чем? – Женщина вздернула подбородок. – Победители не просят прощения. Извинялся ли волк за то, что загрыз ягненка, или орел за то, что набросился на кролика?

В моем помутненном сознании создалось впечатление, что через слова Бланш я слышу Тристана. Его веру, которая делала силу единственной добродетелью. Его волю к власти, которая сокрушала все на своем пути. Поэтому я остановила возлюбленного до того, как он взошел на трон. Его жажда к власти была бы куда безжалостней, чем власть Нетленного.

– Закон сильнейшего – всегда лучший! – чеканила фразы мадам де Ля Ронсьер. Суровость ее высказываний контрастировала с гармонией лица, красота которого не померкла с годами. – Ты, Диана де Гастефриш, оказалась сильнее моего сына. Сильнее всех нас, собравшихся здесь. Поражение – удел слабых. Я не прошу пощады.

На бледно-голубых губах появилась улыбка. Эта женщина – мозг заговора де Ля Ронсьер. Она – олицетворение всего, что я ненавидела: высокомерие сильных мира, для которых люди – всего лишь скот.

Но невозмутимость приговоренной к смерти потрясла меня. Сильный характер напомнил мою мать, хотя эти две женщины сражались за противоположные цели.

– Нет, я не прошу пощады, – повторила мадам среди почтительного молчания пленных. – Прошу только выслушать. Мне нужно сказать несколько слов от имени Тристана. Несколько слов, которые изменят все.

Кровь застыла в жилах.

О чем она хочет сказать?

Неужели ей известна моя тайна?

Тристан знал, что я простолюдинка, но поклялся, что никому не расскажет, пока не женится и не трансмутирует меня.

А что, если он солгал?

Что, если он рассказал обо всем матери в письме?

Что, если она хочет шантажировать меня, чтобы спасти свою жизнь?

Мне совершенно необходимо узнать правду и любой ценой сохранить свою.

Я отряхнулась от грязи, поправила липкие волосы и медленно направилась к повозке, не отрывая взгляда от пленницы.

Молчание толпы внезапно приобрело подобие религиозного ритуала – будто я шла по проходу церкви мимо людей к женщине, которая могла бы стать моей свекровью.

Бланш де Ля Ронсьер склонилась над краем повозки, умудряясь даже в нищем наряде и в кандалах сохранять изящество.

– Слушаю вас, – прошептала я.

– Я знаю, кто ты. – Ледяные губы коснулись моей щеки.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Стало трудно дышать.

Я приподнялась на цыпочках, приблизив свое ухо к губам женщины, чтобы никто не услышал ее слова.

– Ты – аристократка, более амбициозная, чем я. Готовая на все ради трансмутации… – Из меня вырвался вздох облегчения: я в безопасности! Однако она не закончила: – …я тоже готова пойти на все, чтобы помешать тебе обрести вечную жизнь. До конца жизни помни мои последние слова: я проклинаю тебя! Тристан вернется, чтобы отомстить за меня!

Прежде чем я успела отвернуться, жуткие слова Бланш де Ля Ронсьер превратились в укус дикого зверя: ее зубы сомкнулись на моей шевелюре, вырвав из меня крик боли вместе с густым клоком волос.

5. Казнь

ОКРАШЕННАЯ БАГРОВЫМИ ОТБЛЕСКАМИ ЗАКАТА, виселица Монфокон[17], казалось, поднялась из преисподней.

Это было гигантское кубическое строение из сорока каменных колонн, между которыми размещались широкие поперечные балки на двадцати последовательных ярусах. Сотни ниш, разбросанных по сторонам, напоминали пустые, разинутые пасти, ожидавшие своей порции пищи. Возвышаясь на вершине холма, конструкция доминировала над панорамой всего города, открывая вид на триста шестьдесят градусов вокруг.

В окружении вооруженных солдат у ее подножия скопился черный, необъятный поток зрителей. Такого количества людей я никогда в своей жизни не видела. По сравнению с Парижем Версаль казался небольшим провинциальным городком. Эспланада и прилегавшие улицы были переполнены настолько, что закрывали мостовую.

С высоты деревянной трибуны, установленной у виселицы, где я находилась вместе с товарищами-оруженосцами, нельзя было разглядеть лица, обращенные к нам. Они превратились в тысячи бледных, безымянных пятен.

– Какое облегчение для тебя находиться далеко, вне досягаемости их плевков, не так ли? – злорадно прошептала Эленаис.

Попытка избежать ее общество обернулась для меня катастрофой. До сих пор скальп ныл от боли.

– Заговорщики-аристократы ненавидят тебя – спасительницу Нетленного. Да и бедняки вряд ли испытывают больше любви. Ах, как, наверное, тяжело, когда все вокруг желают твоей смерти!

– Послушай, Эленаис, Король просил нас зарыть топор войны и объединиться ради общей цели.

Между шелковыми змейками волос из глаз девушки сверкнули золотые молнии.

– О! Притворюсь, что мы помирились, – прошипела она. – Но *никогда* не прощу тебе того, что ты читала мои письма.

В разгар борьбы за «Глоток Короля» я действительно взломала личный гардероб богатой наследницы в поисках компромата. Там и обнаружила письма ее отца с сухими наставлениями и жесткими указаниями что делать, чтобы имя де Плюминьи засияло при Дворе. Из переписки я узнала о существовании старшей сестры Эленаис, Ифигении, которая в свое время проиграла борьбу за «Глоток». Похоже, напарница до сих пор не простила моего любопытства…

– А вот и та самая мадемуазель, которая подкинула мне кучу работы! – внезапно за спиной прорычал зычный голос, от которого под ногами заходил пол.

Я развернулась и увидела в свете закрепленных на столбах факелов два массивных силуэта. Главный Конюший стоял рядом с титаном, чье лицо скрывал черный кожаный капюшон с отверстиями для глаз.

– Молодые люди, позвольте представить: Рауль де Монфокон. Мой старший брат и Главный Палач Его Величества, – смущенно произнес Раймон де Монфокон.

Уверенность и даже высокомерие директора школы в присутствии брата палача вдруг улетучились. Он будто уменьшился в размере и силе.

– Сто десять приговоренных к смерти! – радостно воскликнул Рауль де Монфокон, алчно сверкнув глазами. – Великая ночь! И все благодаря этой малышке…

Великан склонился, накрыв меня своей тенью.

---

[17] *Виселица Монфокон* – огромная виселица, возведенная в XIII в., была главным местом казни через повешение и местом демонстрации тел казненных. До наших дней не сохранилась.

– Рауль, не забывай, что ты разговариваешь с Королевским оруженосцем!

– Не забываю, братишка. Наоборот: пришел засвидетельствовать свое почтение.

Палач протянул огромную ладонь, обтянутую кожаной перчаткой. Я положила на нее свои дрожащие пальцы, которые он мог запросто переломить одним пожатием. Мужчина склонился, чтобы поцеловать мне руку. Когда он выпрямился, я заглянула в отверстия его капюшона. Два выпученных глаза с покрасневшими роговицами от лопнувших вен опалили меня… Глаза безумца.

– Приведите мне Даму Чудес! – прорычал он. – Сегодняшняя массовая бойня – тяжелая работа, не требующая изысканности. А для Дамы я приберег изощренные, долгие и мучительные пытки. Поверьте, она выложит все секреты.

Словно подтверждая зловещие речи, на сгрудившиеся крыши Парижа обрушился звон колоколов, оповещая горожан о заходе солнца. Тревожный гул поднялся из толпы. В обычный день простолюдины, заслышав звуки набата, поспешили бы домой, однако сегодняшняя ночь не похожа на другие.

Как только Рауль де Монфокон ловко ускользнул, чтобы вернуться к своим обязанностям, к нам подошел человек в коричневом плаще. Большие темные круги под глазами он скрыл под толстым слоем пудры.

– Тома де Л'Эский, генерал-лейтенант полиции, – представился мужчина, шевеля тонкими темными усиками. – Добро пожаловать в Париж. В Гран-Шатле приготовлены четыре комнаты, где вы остановитесь, чтобы поспать после казни.

Его голос завистливо дрогнул, выдавая страдания от постоянного недосыпа.

– Трех комнат будет достаточно, – остановил его Главный Конюший. – Я не останусь на ночь. После казни возвращаюсь в Версаль. Меня ждет школа.

Л'Эский кивнул, встряхнув локонами длинного парика.

– Хорошо. Казнь вот-вот начнется. – Он сверился с карманными часами. – Да, маркизу де Мелаку пора просыпаться.

Генерал-лейтенант подошел к краю трибуны, хрипло прокашлялся, прочищая горло, и обратился к толпе:

– Кхм… Жители Парижа!

Слова эхом отскочили от крыш унылых домов.

– Сегодня специальным королевским указом вам разрешается присутствовать при казни преступников, осмелившихся бросить вызов Короне. Пусть она послужит примером для всех заговорщиков, в том числе для узурпаторши, называющей себя Дамой Чудес. Подданные, которые так или иначе примут участие в подлой смуте, будут пойманы и подвергнуты безжалостным пыткам. Таков беспощадный закон Магны Вампирии! Такова воля единственного владыки Парижа – Людовика Нетленного!

Л'Эский церемониально повернулся к центру трибуны, где в окружении солдат высился стальной гроб.

– Имею честь пригласить маркиза Эзешьеля де Мелака, министра Армии Его Величества!

Тяжелая крышка подвинулась. Длинное тело министра вертикально встало из гроба, напомнив черта на пружинках, выпрыгнувшего из механического ящика.

Его античные блестящие доспехи отражали свет факелов. Грудные и брюшные мышцы из стали контрастировали с изможденным лицом. Кружевное жабо торчало под острым подбородком. Чтобы руководить мрачным спектаклем, Мелак выбрал наряд генералиссимуса Магны Вампирии.

Все новые и новые зрители прибывали посмотреть на демонстрацию монаршего могущества. Парижские вампиры, покинув частные особняки, в занавешенных плотными шторами экипажах спешили на спектакль. С наступлением ночи они рассаживались на трибуне, понизив

температуру и без того морозного воздуха. Облаченные в дорогие ткани и туалеты, не уступавшие роскошным нарядам Версаля, бессмертные устраивались на мягких стульях с бархатной обивкой. Дамы в соболиных манто держали наготове бинокли, чтобы не упустить мельчайших деталей казни. Мужчины в пестрых пиджаках опустошали флаконы, завтракая свежей кровью.

Все кланялись и опускались в глубоком реверансе перед Мелаком – представителем королевской власти.

Среди этого тошнотворного угодничества выделялся один бессмертный. Молчаливый молодой вампир, которому, вероятно, было около двадцати на момент трансмутации. Его жюстокор из антрацитовой шерсти контрастировал с разноцветьем публики. Но больше всего меня поразила прическа, разительно отличавшаяся от длинных волос придворных Версаля, завитых по версальской моде. На чисто выбритом черепе торчал гребень черных волос.

Я заметила на себе его темный, пронзительный взгляд. Смущенная, решила не отводить глаза первой: все-таки я оруженосец Короля, а не застенчивая простолюдинка!

Молодой вампир приблизился. Я заметила холодный янтарный цвет лица, высокие скулы и вытянутую форму глаз. Они были подведены черным карандашом – уловка, к которой обычно прибегали придворные женского пола, но в его случае она усилила выразительность взгляда. В отблеске факелов в левом ухе сверкнула сережка, которую я приняла за железное кольцо… приглядевшись, поняла, что это булавка. В углу сомкнутых губ торчала тонкая деревянная зубочистка. Ничто не могло быть более абсурдным для кровопийцы, который целую вечность не пробовал твердой пищи. Определенно ко мне подошел эксцентрик.

– Мадемуазель де Гастефриш, полагаю, – произнес он с акцентом, который я сразу вычислила: акцент Прозерпины.

– Разве мы знакомы?

– Ваша репутация опережает вас, – ответил он, не разжимая губ.

Зубочистка придавала лицу юноши странное выражение: что-то среднее между приветливостью и угрюмостью.

– Вы не только спасли жизнь Нетленному в Версале, но и представляете его сегодня в Париже.

Я кивнула в сторону Мелака, окруженного толпой льстецов.

– Не я представляю Короля сегодня, а маркиз де Мелак.

– Неужели? Почему в таком случае монарх прислал не одного, а сразу трех оруженосцев в помощь всесильному министру?

Он бросил взгляд на Сураджа и Эленаис, занятых беседой с придворными.

– Что-то мне подсказывает, что вы здесь из-за этой таинственной Дамы Чудес, чье имя у всех на устах с сегодняшнего утра. Или я ошибаюсь?

Этот странный персонаж пытался выудить из меня информацию? В его черных зрачках полыхали золотые вспышки, ведя двойную игру.

– С кем имею честь? – уклонилась я от ответа.

– Лорд Стерлинг Рейндаст – атташе английского посольства, к вашим услугам. Воспользовавшись случаем хочу поблагодарить вас за просьбу, поданную Королю, чтобы включить мою соотечественницу, Прозерпину Каслклифф, в число его оруженосцев. Ведь именно вы, как говорят, рекомендовали ее.

Я ответила смущенной улыбкой. Я действительно просила Нетленного принять в ряды оруженосцев Поппи, которую только «Глоток Короля» мог излечить от хронического туберкулеза. К тому же мне хотелось загладить вину перед бывшей подругой за то, что я публично раскрыла секрет ее тайной болезни в своем безумном стремлении победить в состязании.

– Присутствие англичанки в гвардии Короля способствует сближению двух стран, – добавил лорд.

Он вынул зубочистку из сомкнутых губ и засунул ее за ухо, после чего склонился над моей рукой. Если поцелуй Рауля де Монфокона вызвал отвращение, то прикосновение лорда Рейндаста заставило меня трепетать. Или то был холод, исходивший от юноши?..

– Не слушай этого обманщика, Диана! И никогда не доверяй англичанам!

Я обернулась. Огненная грива блестела на щегольском бархатном пальто цвета синей ночи. Александр де Мортанж!

– Алекс, ты здесь! – сказала я, смутившись от присутствия надоедливого защитника.

– Еще утром я отправил свой гроб в Париж, чтобы встретиться с тобой! – гордо объявил он. – И правильно сделал, что поспешил. Как вижу, тебя нужно оберегать от нежелательных знакомств.

Он мрачно оглядел молодого вампира.

– Согласно моим источникам, Рейндаст – новичок в городе. Остерегайся его как чумы!

– Я слышал, что вы сами, Мортанж, только что вернулись в Париж после длительного изгнания, – не остался в долгу англичанин, кивнув в сторону толпы: – Сегодня ночью «*ад опустел, все демоны здесь*».

– Что это за тарабарщина?

– Шекспир, «Буря», – лаконично ответил вампир. – Трудно представить, какой невыносимой для вас, светского льва, была ссылка в Овернь.

На мраморных щеках Александра появился румянец, или мне показалось? Больше всего он ненавидел любые напоминания о двадцатилетнем изгнании из Версаля, куда Король милостиво разрешил ему вернуться после расправы над семьей фрондеров.

– Месье! Здесь, в Париже, мы цитируем Мольера, а не Шекспира! – огрызнулся Мортанж. – Демон или нет, но я верный французский подданный. А не панк-анархист и шпион на жалованье вероломного Альбиона!

Общеизвестно, что вице-королева Анна не святая. Однако она никогда не осмелится бросить вызов Нетленному открыто, как Дама Чудес. Конфликт между Францией и Англией не завершен – об этом свидетельствовало назначение Поппи оруженосцем Короля и присутствие лорда Рейндаста на сегодняшней казне.

– Так панк-анархист или все-таки шпион? Выберете что-то одно, виконт, – иронично заметил лорд. – Моя официальная роль – атташе при посольстве Англии. Намерения мои чисты и благородны: сблизить две наши страны, вот и все.

Он собрался вновь склониться над моей рукой, придав двусмысленный и личный смысл последним словам.

Александр, опьяненный ревностью, помешал лорду:

– Довольно! Диана, послушай! Твоя чистая и невинная душа должна остерегаться дурных обществ, коих полно в столице.

Каждый раз, когда мой рыцарь притворялся, что «защищает» меня, я сдерживала жгучее желание отвесить ему пощечину.

– Похоже, виконт не понаслышке знает, о чем говорит.

Раздалась барабанная дробь, объявившая о начале казни.

Равнодушное, холодно-отстраненное выражение на лице лорда контрастировало с клокочущим бешенством Александра. Последний уже схватился за ручку богато украшенного меча на поясе:

– Какое смелое заявление, мистер Англик!

– Вы меня неправильно поняли…

– Ах, так-то лучше!

– … я хотел сказать, что вы знаете толк в чистых и невинных девушках.

Лицо Александра под львиной гривой побледнело.

Уже не в первый раз в моем присутствии упоминали о веренице юных смертных, которых виконт любил до меня… и которые встретили трагическую гибель в его клыках. Как, например, последняя любовь, некая Анета, которая, как и я, была королевским оруженосцем. Девушка погибла от избытка «любви», которую питал к ней Александр. Именно поэтому его изгнали в Оверни.

Жестокий Дон Жуан открыл рот, чтобы оправдаться, но в эту секунду звонкий щелчок положил конец конфликту. Мелак хлопнул в ладоши, требуя тишины.

– Да свершится казнь! – приказал он с плотоядной улыбкой на губах.

Барабаны заиграли веселее и энергичнее, отбивая ритм. Низкие голоса труб призывно разносились над высокими крепостными стенами. Началась мрачная хореография под аккомпанемент музыки.

Десятки истязателей в глухих капюшонах, как у Главного Палача, двинулись к виселице, таща за собой связанных пленников, заставляя их взбираться по каменным ступеням к перекладинам. Сто десять ниш заполнили приговоренные с веревками на шеях. Босые дрожащие фигуры балансировали на обледенелых досках, представляя собой адское зрелище. Ветер раздувал их рубахи, как призрачные простыни.

Один альков на самом верху выделялся среди остальных. Я догадалась: центральное место, хорошо обозреваемое всей толпой, уготовили для главной пленницы высокого рода – Бланш де Ля Ронсьер. Инстинктивно я притронулась к виску, откуда женщина вырвала клок волос.

Мелак поднял руку в металлических доспехах, из которых выглядывало нежное кружево рукава. Затем, словно римский император на арене, повернул вниз большой палец, удлиненный острым когтем, подавая сигнал.

Барабанная дробь оборвалась.

Скрытый механизм в недрах виселицы привел в движение доски под ногами несчастных. Сто десять тел разом рухнули в пустоту, издавая ужасные звуки, отдаленно напоминавшие музыкальное сопровождение: треск костей, смещенных позвонков, свернутых шей. В течение нескольких жутких секунд повешенные дергались в нервных спазмах, в жуткой пляске неутомимой джиги. Затем все успокоилось.

Я отвернулась, не в силах скрыть отвращения. Игривые комментарии придворных, наслаждавшихся дьявольским спектаклем, вызывали бессильный гнев. Толпа внизу бурлила, выражая дикую радость, что привело меня в недоумение: как будто трагичный конец нескольких влиятельных людей мог улучшить их беспросветную жизнь.

– Правосудие свершилось! – прорычал Мелак. – Пусть вороны и стервятники растерзают трупы до костей! А скелеты раздавят, чтобы ничего не осталось от этих преступников. Даже их имен!

Не успел он закончить речь, как раздались оглушительные громовые раскаты. Сначала мне показалось, что снова заиграли барабаны. Однако гром раздался в небе, а не на земле. Взрыв белого света озарил виселицу.

– Фейерверк! – выдохнул Сурадж.

– В честь Нетленного? – поинтересовалась Эленаис у Главного Конюшего, наблюдавшего за происходящим рядом с нами.

Монфокон молчал. Профиль его сурового скульптурного лица освещали вспышки.

В Версале я изредка посещала ночные вечеринки. Пиротехники Короля, чтобы поразить придворных, использовали разноцветье вспышек. Но сегодня ночное небо разрывали одинаковые, бледные молнии…

Лицо Мелака в первом ряду побледнело. Отблески зарева отражались на его доспехах – бесполезной защите от невидимого врага.

У подножия холма разбегались люди, крича от удивления… и ужаса.

Мелак, наконец выйдя из оцепенения, прорычал Л'Эскийю, дрожавшему под париком:

– Чего вы ждете, олух! Найти нарушителей! Обеспечить эвакуацию черни! Объявить комендантский час! Немедленно!

Неописуемый хаос охватил улицы. Последний букет вспышек распустился в небе.

Фосфорные искры густо сыпались на балки, где висели трупы. Сухие бревна мгновенно занялись. Пожар перекинулся на рубахи мучеников.

Виселица превратилась в пекло преисподней.

6. Конвой

Я ПРОДВИГАЮСЬ СКВОЗЬ ЧЕРНИЛЬНУЮ ТЕМНОТУ.

Под ногами протяжно вздыхает губчатая почва. Пальцы, нащупывая дорогу, неприятно натыкаются на склизкие камни, липкие от полузамерзшего мха.

Ледяной воздух наполнен гнилостным паром, который выдыхает земля.

Правильную ли дорогу я выбрала?

Не успеваю подумать об этом, как небеса раскалываются и проливаются дождем бледного света.

Там, в лесу, среди больших камней, лежит труп молодой девушки с серебряными волосами и перерезанным горлом.

Я проснулась словно от толчка. Широко распахнутыми глазами вгляделась в тьму.

Опять этот кошмар!

Опять смерть приходит во сне – *моя смерть!*

Горькой пощечиной всплыла угроза Бланш де Ля Ронсьер: *«До конца жизни помни мои последние слова: я проклинаю тебя! Тристан вернется, чтобы отомстить за меня!»*

Ее проклятие потрясло меня больше, чем я думала, и вернулось в жутком кошмаре. Я, перерезавшая горло Тристану, встретила такую же гибель во сне. Я тряхнула головой, прогоняя ужасные мысли. Тристан де Ля Ронсьер умер. И его мать тоже. Я собственными глазами видела, как ее поглотил огонь, а виселица взлетела в воздух.

Воспоминания предыдущего дня пробились сквозь затуманенное от сна сознание: паника, пожар, вой, крики. Торжественно прибыв за почестями в Париж, Мелак был вынужден поджав хвост возвратиться в Версаль, чтобы доложить Королю о полном фиаско.

Нас же, троих оруженосцев, Л'Эский приказал эвакуировать в центр Парижа, сопроводив надежным конвоем.

Мы проехали по ночной столице, различая лишь контуры города. Я поняла, почему Париж называли *Городом Теней*: на всей протяженности улиц он напоминал глухое болото Тьмы. Фонари, которыми размахивал ночной патруль, освещали лишь часть мостовой перед нами.

Мы прибыли в Гран-Шатле – мрачную средневековую цитадель на правом берегу Сены, защищенную резиденцию полиции с древних времен. Строение выглядело как осажденная крепость, окруженная легионом вооруженных стражников, готовых отразить атаки упырей.

Здесь, в месте, охраняемом лучше, чем тюрьма, Л'Эский выделил нам комнаты, напоминавшие одиночные камеры. Сон не заставил себя долго ждать… Я сладко провалилась в него, пока кошмар не разбудил меня.

Отодвинув пропитанные потом простыни, моя рука нащупала перламутровый эфес шпаги оруженосца. Пережив недавнее вторжение незнакомца в спальню, я больше никогда не ложилась спать без оружия. Со шпагой в руке я подошла к окну, чтобы раздвинуть шторы. Раму защищала железная решетка, что меня совсем не удивило…

Утренний свет окрасил крыши Парижа, открыв необъятную панораму, которую я не могла представить себе вчера в сумерках. Гроздья серых лачуг прижимались друг к другу, как колонии насекомых. Десятки колоколен с заостренными шпилями растворились в предрассветном тумане. Спутанные клубки улиц распустились по всем направлениям. Передо мной раскинулся не город, а лабиринт. Без начала и конца.

И в этом хаосе я должна отыскать Даму Чудес?

Но как?

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Участвуя в придворных интригах Версальского замка, мне пришлось научиться вести двойную игру. Однако здесь, в незнакомом городе, рядом с теми, кого я должна обманывать, это будет нелегко…

Обдумывая как быть, я нервно провела пальцем по ониксу кольца. Придется действовать системно. Поиски начнутся как забег на длинную дистанцию, чтобы позже перейти на спринт. Первое время нужно искать сообща, вместе с товарищами по команде. Втроем у нас больше шансов напасть на след Двора Чудес. А на финишной прямой ускорюсь и обгоню их, чтобы устранить Даму до того, как они ее схватят. Ослепленные Эссенцией Дневного Света, оруженосцы не заметят, как я всажу ей кол в грудь.

* * *

– За пожаром виселицы стоит Дама Чудес, – заявил Л'Эский.

После скромного завтрака генерал-лейтенант полиции собрал нас в сводчатом зале Гран Шатле. Если вчера вечером он казался усталым, то сегодня утром был измотан. Тяжелые мешки под беспокойными глазами не скрывал густой слой пудры. На столе дымились кувшины с черным кофе – должно быть, то самое топливо, что поддерживало его.

– К тому времени, когда моим людям удалось обнаружить канализационные люки, откуда велась стрельба, пиротехников там уже не было, – объяснил он. – Все, что удалось найти – порох, гильзы от снарядов, смесь греческого огня[18] и… это.

Дрожащей рукой он взял пачку бумаг и тут же швырнул ее в центр стола, будто она обожгла ему пальцы. Это был памфлет, распечатанный в нескольких экземплярах. Я сразу узнала гравюру на оттиске – изображение печати Дамы Чудес, более грозное, чем на белом конверте в усыпальнице монарха. Лунный профиль богини Экаты заслонил солнечный лик бога Аполлона. Иллюстрацию сопровождал александрийский стих.

[18] *Греческий огонь* – во времена Средневековья горючая смесь, которая не тушилась водой.

– Этот пасквиль[19] распространили по всему Парижу, выстрелив по толпе все из тех же канализационных люков, – хмуро продолжал Л'Эский. – С утра столица гудит слухами, будто

[19] *Пасквиль* – произведение, содержащее заведомо клеветнические нападки на определенное лицо.

Дама Чудес испепелила виселицу Короля. А теперь она угрожает ему беспорядками, если до наступления Ночи Тьмы он официально не признает ее вице-королевой Парижа. Сегодня 30 ноября… Срок истекает через жалкие три недели!

Ночь Тьмы отмечалась ежегодно 21 декабря. Это день зимнего солнцестояния, самая длинная, а также самая священная ночь в литургическом календаре Факультета, когда праздновали трансмутацию вампиров и наступление Темной Эры.

Эленаис ударила кулаком по столу так, что кофейные чашки подпрыгнули.

– Вместо того, чтобы ловить ренегату, мы сидим и чего-то ждем?

Л'Эский покачал головой, встряхнув локонам парика.

– Потому что… не знаем, где она скрывается, – признался он, нервно перебирая пальцами тонкие усики. – Последние несколько месяцев все силы полиции брошены на ее поиски. Мы ищем днем и ночью. Тщетно.

Мелак напрасно притворялся, что слухи о Даме Чудес – всего лишь сплетни. Сам он верил в них настолько, что розыски повелительницы упырей стали приоритетными для его генерал-лейтенанта. Причина изможденного лица Л'Эскийя очевидна: под невероятным давлением приказа он лишился сна. К тому же опасался потерять свое положение, а возможно, и жизнь: терпение Короля Тьмы не бесконечно, а гнев смертельно опасен… В случае провала голова Л'Эскийя полетит с плеч первой.

– Тьма милостива! С помощью королевских оруженосцев полиция наконец-то одолеет преступницу! – воскликнул он.

Слова подтвердили мою догадку: генерал-лейтенант надеялся, что наше вмешательство позволит ему с честью выполнить приказ, с которым он до сих пор не справился.

– Помогите нам, а мы поможем вам, – начала я, воспользовавшись его растерянностью. – Расскажите все, что знаете о повелительнице. Как давно она ступила на тропу войны? И как ее ведет?

Словно под гнетом моих вопросов плечи мужчины ссутулились. Он поежился под бархатным плащом и налил себе новую чашку кофе, чтобы взбодриться.

– Первые слухи о Даме Чудес появились летом. Источник мы не смогли обнаружить. Площади и улицы не переставали жужжать кривотолками, вслед за которыми участились и ожесточились нападения упырей. Раньше мерзость действовала поодиночке или небольшими группами, но теперь целые полчища нечисти выбираются по ночам из канализаций и подземных каменоломен, там же скрываются днем.

Л'Эский вздохнул:

– Каждую ночь для охраны официальных зданий государства и Факультета требуются все силы полиции. Настолько, что районы проживания простолюдинов остаются в полной власти монстров, которые, уничтожив все живое, возвращаются в свои логова. Каждая из непредвиденных атак приводит к страшной резне. И это еще не все: они забирают запасы муки и зерна, хлеба и вина. Любые съестные продукты, которые встречаются им на пути.

Сурадж нахмурил густые брови:

– Странно… Насколько я знаю, упыри – это некрофаги и питаются исключительно человеческими останками.

– С тех пор как появилась Дама, их прожорливость не ведает границ! Чудовища… эволюционировали. Из падальщиков они превратились в агрессивных хищников. Ненасытность нечисти опустошает все вокруг!

Пришло время признаться в невежестве:

– Простите, месье, я ничего не знаю об упырях и никогда в жизни не видела их. Думала, это просто дикие звери.

– Звери? Не совсем. Они рождаются не от животных. Известно, что мерзость формируется прямо в недрах Земли, путем спонтанного размножения с помощью Тьмы.

Я замолчала, вспомнив слова Монфокона о том, что упыри – это *дети Тьмы*, отличные от вампиров.

В моих жилах тоже текло немного Тьмы с тех пор, как я пригубила «Глоток Короля» – несколько миллилитров насыщенной тьмагны. Пятой жидкости, которую признал Факультет, более темной, чем черная желчь. Субстанции, о которой, по большому счету, ничего не известно.

– Вы говорите, что упыри эволюционировали, – вступил в разговор Сурадж. – До такой степени, чтобы подбросить памфлет в усыпальницу Короля и поджечь виселицу Монфокона?

Л'Эский побледнел.

– Конечно, нет, – признался он. – Упыри не умеют обращаться с инструментами хотя бы потому, что не имеют больших пальцев.

Перед глазами мелькнули сосуды с обрубками из кабинета Монфокона. Действительно, у тех «рук» было всего четыре пальца, как на лапах животных.

– Повелительница упырей, кем бы она ни была, скорее всего, имеет влиятельных сторонников, – проскрипел Л'Эский. – До ее вчерашнего послания мы не знали, что она – вампир. Возможно, Дама – не единственная бессмертная при Дворе Чудес…

Я обменялась тяжелыми взглядами с Эленаис и Сураджем. Приехав в столицу, мы рассчитывали на борьбу с одним вампиром, но если их несколько, как предположил Л'Эский, это меняло всю картину!

– С чего вы взяли, что во Дворе Чудес есть другие вампиры? – нетерпеливо выпалила Эленаис, плохо маскируя раздражение.

– Кровавые нападения упырей всегда заканчиваются их последующим исчезновением.

– Вы говорили, что монстры сжирают нищих на месте… – оборвала девушка.

– Несчастные, попавшие под их клыки, не исчезают *полностью*. Мерзости оставляют недоеденные останки. Похоже, они хватают и живую добычу, чтобы унести под землю.

Белый как лист Л'Эский тяжело сглотнул.

– Одна мысль все же не дает мне покоя. Я даже лишился сна… Что, если во Дворе Чудес живет огромная популяция незаконных вампиров, которых исчезнувшие жертвы кормят своей кровью?

– Насколько огромная? – осведомился Сурадж.

– Трудно сказать, потому что ни одному полицейскому еще не удалось спуститься во Двор Чудес.

– Тогда я переформулирую вопрос: сколько жертв исчезло бесследно?

Л'Эский сгорбился еще больше, будто этот вопрос добил его.

– Перепись, которую ежемесячно проводит гематический Факультет Парижа, неоспорима. С лета исчезли три тысячи парижан.

– Сколько? – Эленаис захлебнулась кофе.

– Врачи Факультета ведут чрезвычайно скрупулезный подсчет простолюдинов, у которых каждый месяц берут кровь для десятины, – продолжал Л'Эский. – Три тысячи из них сегодня числятся пропавшими без вести. Их трупы не опознаны в братских могилах. И это число растет каждую ночь.

Холодный пот заструился по моему позвоночнику. Я все больше и больше понимала, почему Главный Конюший так упорно настаивал на том, чтобы секрет Дамы не попал в руки Нетленного. Власть над упырями давала неограниченные возможности: за последние шесть месяцев десятки незаконных вампиров, возможно, безнаказанно питались жертвами в недрах Парижа!

– Есть ли хотя бы какое-то представление о том, где находится Двор Чудес? – поинтересовалась я.

Л'Эскиль тяжело поднялся и подошел к ветхой стене, на которой висела большая карта Парижа.

– Полная загадка… – прошептал он. – Никто не знает, где именно. На правом или левом берегу Сены? В центре или на окраине столицы?

Он неуверенно провел рукой по карте. Лабиринт улиц, медленно строившийся на протяжении веков, на схеме казался недостижимее, чем из окна моей комнаты.

– Почти триста лет назад моему далекому предшественнику удалось обнаружить старый Двор Чудес, – объяснил Л'Эский. – Он располагался здесь, недалеко от Ле-Аль… – генерал-лейтенант ткнул пальцем в карту, – теперь эта улица называется Гранд-Трюандри[20] в память о том, что когда-то она была притоном разбойников.

Мужчина тоскливо вздохнул, очевидно, сожалея о тех временах, когда полиция занималась простыми делами.

– У нас нет возможности определить местоположение нового Двора Чудес, – пожаловался он. – Единственное, что известно: он находится глубоко под землей. Париж – это настоящий швейцарский сыр, недра которого строились веками. Город начинен канализационными люками, скрытыми подвалами и подземными туннелями. Это лабиринт, не поддающийся картографированию. Никогда не угадаешь, куда упыри нанесут следующий удар.

– Почему нельзя проследить за ними после бойни?

– Это всегда внезапные нападения. Мои люди прибывают на место преступления много позже. Солдатам, которых маркиз де Мелак прислал нам на подмогу, повезло больше. Преследуя нечисть, им удалось спуститься в подземные туннели, однако на глубинах ветер погасил их факелы. Упыри боятся света, но как поддерживать пламя в узких, сырых туннелях? Этих несчастных больше никто не видел. – Л'Эский снова тяжело вздохнул. – Даже самая мощная армия в мире бессильна против группы партизан, окопавшейся в неизвестном месте. Поэтому надо бить сверху. Захватить ту, кто с помощью магии управляет действиями монстров. Без капитана у руля легионы нечисти разбегутся.

– Ну должны же быть у вас хотя бы какие-то зацепки, месье? – настаивала я. – Подскажите, с чего нам начать? С какой стороны подступиться?

Генерал-лейтенант полиции издал протяжный, беспомощный стон.

– С какой, с какой… Надеялся, что вы мне это скажете. Вы – оруженосцы Короля. Говорят, что кровь Нетленного обостряет ваши чувства и интуицию, разве нет?

– Таков ваш план? Использовать нас как охотничьих ищеек? – возмутилась Эленаис. – Вы же тоже получили должность генерал-лейтенанта полиции не в благотворительной лотерее?

Пока девушка вскипала изнутри, Сурадж сохранял спокойствие.

– Диана права: нужно с чего-то начать, – произнес он. – Где и когда произошло последнее нападение упырей?

– Южнее Парижа, недалеко от горы Парнас. Три дня назад.

Оруженосец встал, сжимая ножны причудливого кинжала на поясе: два волнистых лезвия расходились по сторонам от рукояти. Оружие, которое, как и он, прибыло из далекой Индии.

– Тогда, чего мы ждем? В путь! – скомандовал индиец.

* * *

Верхом на Тайфуне я въехала на мост Менял, перекинутый через Сену от Большого Шатле к югу Парижа. По правде говоря, трудно было понять, что это мост: дома с обеих сторон располагались так плотно, что закрывали реку. Богатые фасады с большими витринами

[20] *Трюандри* – Truanderie (*фр.*) – сброд, нищие.

демонстрировали великолепные драгоценности. Позолоченные вывески над ними впечатляли так же, как роскошь Версаля. Здесь витали сказочные ароматы.

Прохожие в большинстве своем выглядели так же нарядно, как и смертные придворные Двора. Некоторые месье, когда мы проезжали мимо, снимали шляпы, приветствуя королевских оруженосцев, которых можно было узнать по солнцу, выгравированному на кожаных нагрудниках. Взгляд их неизменно задерживался на тюрбане Сураджа.

– Кто живет в этих домах? – поинтересовалась я у него, вспомнив, что юноша хорошо знал Париж.

– Зажиточные торговцы. На первом этаже расположились лавки ювелиров, золотых дел мастера и менялы, благодаря которым мост получил свое название. Здесь же работают перчаточники и парфюмеры.

– Какое разительное отличие от грязных предместий Монфокона! – заметила Эленаис с высоты рыжего скакуна. – Здесь я в своей стихии!

– Таков парадокс Парижа, – пробормотал Сурадж. – Несметное богатство соседствует с беспросветной нищетой.

Но девушка не слушала его.

– Посмотрите на бриллиантовое ожерелье, там, в витрине! – восхищенно вскрикнула она. – Оно бы неотразимо смотрелось на моей шее во время ночных балов Версаля. Нужно отправить отцу имя ювелира. Ведь скоро мой день рождения!

Она бросила на меня гневный взгляд, будто хотела сказать: *«Возможно, ты и увидела несколько резких слов, любительница читать чужие письма, однако отец обожает меня и готов тратить на подарки состояние».*

– Кстати, об украшениях: я заметила твое новое кольцо, – Эленаис разглядывала оникс на моей левой руке. – Какое-то деревенское. Наверное, такова мода в Оверни.

– Просто у меня нет твоих возможностей и хорошего вкуса, – миролюбиво ответила я, не желая заострять внимания на секретном кольце. – Твой кулон на груди прекрасен, – я показала на голубой драгоценный камень, блестевший на фоне ее черного нагрудника. – Это аквамарин?

– Нет! – фыркнула девушка. – Сапфир! Я ничего не делаю наполовину, как и не ношу полудрагоценных камней.

– Конечно, и как я не догадалась? А этот прекрасный браслет на запястье – белое золото?

– Платина! Главный из всех металлов для той, которая первой схватит Даму Чудес!

На поверхности дорогого браслета была выгравирована римская цифра «I», как бы заявлявшая миру, что Эленаис – первая в любых делах…

В сопровождении шести всадников дозора, который приставил к нам Л'Эский, мы продолжили путь по Острову Сите, где в центре возвышался силуэт колоссального собора.

– Раньше он назывался Нотр-Дам де Пари – собор Парижской Богоматери, в честь Девы Марии, – рассказал Сурадж, – и считался самой большой католической церковью в королевстве. Сегодня это самый высокий собор гематического Факультета, где заседает архиатр Парижа. Его переименовали в Нотр-Дамн[21] – Прóклятый Собор в честь мистического проклятия, открывшего эпоху Тьмы. Проклятия, которым гордятся повелители ночи и которому обязаны вечной жизнью.

Он указал на вампирические статуи в нишах фасада.

– Статуи *святых* былых времен заменены на статуи *кровавых* из различных кварталов Парижа. Святой Мишель на Кровавый Мишель. Святой Жермен на Кровавый Жермен. Святой Оноре на Кровавый Оноре.

– Говорят, в гигантских резервуарах башен-близнецов Прóклятого Собора достаточно крови, чтобы наполнить пруды в парках Парижа.

---

[21] Здесь игра слов: во *фр.* Dame – Богоматерь, а Damne – прóклятый (*прим. переводчика*).

Я невольно вздрогнула, проходя под тенью зловещих башен, не веря, что когда-то они были украшены христианскими крестами.

За последние три столетия распятия заменили металлические летучие мыши с распростертыми крыльями – эмблема новой государственной религии, навязанной бессмертными. Именно здесь в огромных баках хранилась часть кровавой десятины, собираемой с населения.

– Страшно вообразить, какое количество городских вампиров понадобится, чтобы осушить необъятные резервуары… – размышляла я вслух.

– В столице, как и во всей Магне Вампирии, существует *numerus clausus* – процентная норма, – продолжал Сурадж. – Один вампир на каждые сто простолюдинов: таково соотношение, установленное Факультетом. Это означает, что в черте города насчитывается около десяти тысяч бессмертных. Жидкость в башнях Про́клятого Собора – всего лишь столовая кровь, предназначенная для ежедневного потребления. Остальная часть Нотр-Дамн оборудована под винные погреба, в которых доктора Факультета производят лучшие сорта из каждого квартала. Например, из квартала Кровавого Мишеля кровь студентов Сорбонны, наполненную алкоголем. Или крепкую и пряную кровь фортов Аль и так далее…

– А тот огромный дворец на правом берегу позади нас? – поинтересовалась я, поспешно отводя взгляд от мрачного собора и показывая на огромный серый фасад, пронзенный тысячами окон.

– Дворец Лувр. Резиденция королей Франции на протяжении веков, пока Людовик XIV не решил перенести Двор в Версаль. В настоящее время Лувр редко используется. Ну, если только для королевских визитов в столицу или собраний в Париже.

На левом берегу картина изменилась – улицы стали менее широкими, здания менее роскошными. Строительный камень уступил место дереву и гипсу. Шаткие здания, компактные и без отделки, теснились друг к другу, словно карточные домики. Их неровные стены поднимались все выше и выше, вмещая все больше и больше жителей.

Одежда пешеходов тоже стала иной: жизнерадостные цвета превратились в серые, слившись с фасадами домов. Лица прохожих лишились ярких красок, блеклые губы и щеки растворились в бледных тонах. Любопытство прохожих сменилось враждебностью и тревожностью. Люди ходили с непокрытой головой. Им не было необходимости, увидев нас, приподнимать в приветствии шляпы. Наоборот, хлипкие двери поспешно захлопывались, изъеденные молью шторы задергивались. Полиции здесь были не рады, а королевским оруженосцам – тем более.

С тяжелым сердцем я думала о тысячах несчастных, что рождались и жили в этих затхлых клетушках. Они не только никогда не выезжали за крепостные валы Парижа, большинство из них никогда не покидало своих улиц. В столице в каждом квартале действовал закон о невыезде. Чтобы пройти в соседний район, нужно было получить специальное разрешение. В моей деревне в Оверни, по крайней мере, я могла уйти из дома днем, чтобы поохотиться в лесах. Простолюдины Парижа не знали подобной роскоши.

В конце долгого пути мы углубились в запутанный лабиринт улиц, настолько узких, что нам пришлось пустить лошадей друг за другом. Изысканные ароматы моста Менял остались далеко позади, сменившись затхлым и резким запахом. Мы продвигались гуськом, все также со всех сторон охраняемые стражниками на конях.

Небо сузилось до узенькой ленты: тряпье на многочисленных бельевых веревках, протянутых от одного фасада к другому, закрывало его свет. Показалось, что я запуталась в гигантской паутине…

– Вот мы и на месте – гора Парнас, – объявил капитан стражников, суровый мужчина, получивший приказ не отходить от нас ни на шаг.

Мы выехали на большую площадь под открытым небом, неожиданно похожую на полянку среди городского леса. Перед нами возвышался холм, сложенный из строительного мусора, на склонах которого ютились бедные лачуги.

– Ничего общего с Парнасом Овидия! – удивилась Эленаис.

Голос ее звучал приглушенно: она старательно прижимала к носу нежное кружево своего рукава, защищаясь от миазмов[22] с тех пор, как мы пересекли Сену.

Все воспитанники «Гранд Экюри» читали «Метаморфозы» Овидия. В античной мифологии Парнас – самая прекрасная гора Греции и небесная обитель муз.

– Овидий? – удивился капитан. – Среди наших стражников нет такого. Бессмертные из высшего общества окрестили трущобы Парнасом.

Я стиснула зубы, оценив изощренный сарказм кровопийц. Они не только держали простой народ в стойлах, но еще и презрительно издевались над их страданиями.

– На самом деле это вовсе не гора, – продолжал вояка. – Булыжники появились в результате рытья катакомб.

– Ката… что? – переспросила Эленаис.

– Катакомбы – большие подземные карьеры, из которых добывали камень для строительства города. Если бы наши предки знали, что, выкапывая тысячи туннелей, они готовят любимое логово для проклятых упырей! – При упоминании о ненавистных существах капитан сплюнул на землю. – Их давно перестали копать, а теперь мы засыпаем входы. Каждую ночь земля изрыгает новую долю губительной нечисти… Как та, которая три дня назад опустошила площадь.

Я обратила внимания на лачуги рядом с холмом: они были в руинах. Двери разбиты, ставни сломаны, будто здесь пронесся ураган. Посреди бедствия раздавались веселые детские крики: жизнь, несмотря ни на что, продолжалась.

Мы спешились и привязали коней, чтобы отправиться на встречу с уцелевшими жителями, которые прятались в развороченных домах.

– Эй, там! Вы все! Выползайте из крысиных нор по приказу лейтенанта полиции!

Дети стихли, как стайки испуганных воробьев. Из трущоб появились сгорбленные, дрожащие от холода фигуры в отрепьях. Сердце сжалось при виде этих обездоленных. Они – оборотная сторона роскошной жизни Версаля, те, чьи страдания и кровь способствовали процветанию вампиров.

– Подтянитесь! – бранился капитан. – К нам пожаловали королевские оруженосцы!

Каждый окрик солдата еще больше удручал лица со сжатыми губами, блуждающими глазами.

Капитан сунул руку в нагрудный карман камзола и достал исчирканную каракулями бумажку:

– Из четырех тысяч трехсот жителей горы Парнас сто семь убиты и пятьдесят два пропали без вести, – во всеуслышание зачитал он. – Двадцать два тяжело ранены и доставлены в хоспис Неизлечимых[23]. Остальные жители при приближении упырей разбежались как крысы и вернулись только на рассвете.

Он снова обратился к толпе:

– Да, вы бежали, нарушив закон о комендантском часе, негодяи! Вместо того, чтобы остаться в домах и защищать зерно, которое Король так милостиво вам предоставил!

Повисло тягостное молчание.

Из толпы вышла старуха с красными от слез глазами и бросилась к ногам Эленаис:

– Сжальтесь над нами, прекрасная демуазель! Вы похожи на ангела. Пожалейте бедную вдову! Упыри забрали моего сыночка, его жену и их мальчика! Они поглотили все наши запасы. Наши кладовые пусты! Скажите Королю, чтобы он дал нам больше муки! Скажите ему, чтобы он освободил нас от Дамы Чудес!

---

[22] *Миазмы* – ядовитые гнилостные испарения.

[23] В 1634 году в Париже был основан хоспис Неизлечимых для больных, от которых отказались врачи и близкие люди.

– Я… э-э-э… – заикаясь, в панике проблеяла Эленаис.

– Слухи ходят, что эта дьяволица погубит Париж в Ночь Тьмы, – причитала вдова, проливая слезы на сапоги девушки. – Наши повелители и хозяева должны защищать нас. Я, матушка Мао, не обучена грамоте, но ведь так написано в законе, верно? Так написано в Кодексе Смертных, который доктора Факультета читают нам по воскресеньям в гематической церкви.

Старушка самозабвенно, словно молитву, затянула:

*– **Oboedientia** – «Повиновение». С момента рождения и всю жизнь простолюдины находятся под защитой вампиров. Поэтому они обязаны им подчиняться полностью и безоговорочно».*

Меня потрясло, как нищая старушка цеплялась за Кодекс Смертных – беззаконный свод правил, который ограничивал права четвертого сословия в обмен на мнимую защиту вампиров. В Париже несчастные отдавали свою кровь, а взамен получали скорбь и разорение. Их жестоко обманывали!

Стражники бросились к матушке Мао, чтобы отогнать ее от нас, но Сурадж поднял руку:

– Оставьте!

Он шагнул вперед и протянул старухе руку, помогая подняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.